

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

I. ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I С ПОЛЬДЕ-КОКОМ

II. ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ

Предисловие Д. Заславского

Комментарии С. Макашина и Н. Яковлева

О ЖИВОМ САЛТЫКОВЕ

Среди всякой «теоретической» контрабанды, проникающей в советское литературоведение, есть и теорийка о том, что в советской литературе нет будто бы места для подлинной сатиры, а могут существовать только ее суррогаты. Как у контрабандного товара, у этой теорийки нет ни имени, ни адреса, ни фирмы. Она все же существует. Ее предлагают из-под полы, — в беседах, на «дискуссиях», иногда полусловами и полупафосами. Она маскируется иногда «левыми» фразами. В эпоху, мол, социалистического строительства нам не до смеха, да и над кем смеяться, кого преследовать сатирическим бичом? Буржуазное нутро выпирает из этих слов, как и в том случае, когда нас предостерегают: сатира опасна, она слишком острое оружие. Более откровенные и дерзкие контрабандисты говорят, что сатира и невозможна в советских условиях. Сатира исторически была всегда оружием, направленным против господствующих классов. Она попадала в цель только тогда, когда этой целью были основы существующего политического и общественного строя. Диктатура пролетариата исключает возможность такой сатиры. Стало быть, это литературный жанр, осужденный на вымирание.

За этими словами, не всегда договариваемыми до конца, слышится затаенный вздох по буржуазной «свободе печати». Однако контрабандисты прежде всего лгут. Сатира, исторически прогрессивная, передовая для своего времени выступала против господствующих классов, потому что самое господство этих классов основывалось на беспощадной эксплуатации труда подчиненных трудящихся масс, потому что эти господствующие классы были паразитами, насильниками, крепостниками, душителями науки и литературы, мракобесами. Исторически прогрессивная, передовая для своего времени сатира никогда не делала объектом своего бичующего смеха рабочий класс и трудящиеся массы. Сатирическими насмешками — неизменно и неизбежно тупыми и бездарными — над трудящимися массами всегда занималась реакционная литература. Она занимается ими и теперь, высмеивая, например, социалистическое строительство в СССР, пятилетку, революционный героизм рабочих масс, ударничество и т. п., представляя все трудящееся население Советского союза в виде «рабов», которым можно навязать «принудительный труд». Сатириками такого рода хоть пруд пруди во всей нынешней капиталистической литературе, и если у этой горе-сатиры нет зубов, то только по той причине, по которой буржуазный мир теряет вообще все признаки и принадлежности силы, свежести и молодости. Буржуазная сатира нашего времени может только злобно шипеть и дрянно хихикать.

Но если и прежде исторически прогрессивная, передовая для своего времени сатира никогда не делала объектом своего бичевания трудящиеся массы, когда они только терпели от гнета господствующих классов или вели с этими классами упорную борьбу, то тем меньше оснований для такой сатиры бичевать рабочий класс и трудящихся в эпоху, когда впервые в мировой истории они собрались со своих плеч насильников, эксплуататоров и паразитов и приступили в труднейших условиях, окруженные со всех сторон врагами, к грандиозной работе созидания нового общества. Сатира, направленная против господствующего в Советском союзе класса, против основ существующего в Советском союзе общественного строя, может быть только сатирой, исходящей от классового врага, сатирой реакционной и по сути контрреволюционной. И, конечно, для такой сатиры нет и не может быть места в Советском союзе. Такая сатира может проникать только контрабандой, в виде гнилых, дрянно хихикающих анекдотов и плохо замаскированных кулацких выпадов в литературе.

Буржуазной сатире нет места в советской литературе. Это понятия друг друга исключающие. Следует ли из этого, что нет места в советской литературе для сатиры? Конечно, нет. Из того, что буржуазия в период своей борьбы с феодализмом создала превосходные образцы сатиры, нисколько не следует, что сатира — это буржуазный жанр, умирающий вместе с буржуазией. Сатира — это очень острое и сильное оружие в классовой борьбе. Рабочий класс пользовался этим оружием все годы своей революционной борьбы. Он создал превосходные образцы советской и пролетарской сатиры в произведениях Демьяна Бедного, Маяковского, Кольцова и др. И так как классовая борьба продолжается в Советской стране и вокруг Советской страны, то проповедывать теории об изживании сатиры и о невозможности ее могут только те, кто хочет разоружить пролетариат в его литературно-политической борьбе с классовыми врагами. Отрицание классовой борьбы или недооценка ее составляет историческую суть оппортунизма.

Завершение фундамента социалистической экономики в окончательной форме решает вопрос «кто—кого» и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Однако классовая борьба не только не снята с очереди, — она обостряется вместе с успехами социалистического строительства, потому что обостряется до крайности сопротивление всех буржуазных элементов в стране, поддерживаемых международной буржуазией. Классовый враг выступает не только в виде прямой буржуазной агентуры, прячущейся в щелях советского аппарата, не только в виде откровенного кулака. Враждебное классовое влияние дает себя чувствовать в настроениях, обволакивающих иногда довольно густо отдельные участки социалистического фронта и скопляющихся там, где особенно сильны затруднения. Враждебное классовое влияние стелется часто плотной пеленой в обывательских низах советской общественности, играя роль понижающих станций для пролетарского производственного энтузиазма. Буржуазные элементы обладают способностью отравлять своим гниением атмосферу и после того, как они убиты. Буржуазные пережитки живучи. Их поддерживает вековая темнота, которая еще далеко не рассеяна громадной культурной работой, проделанной за последние годы. Мелкая буржуазия и в городах необъятного Союза, и в селах до сих пор не потеряла еще полностью своего влияния, особенно в культуре. И почти каждый новый рабочий, приходящий из деревни на советские новостройки, в новые социалистические предприятия, почти каждый новый учащийся, приходящий в учебные заведения, приносит с собой в котомке или на подошвах частицу — иногда весьма значительную — этих мелкобуржуазных индивидуалистических настроений.

Советская литература является важным участником социалистического строительства. Ее задача — борьба со всеми буржуазными и мелкобуржуазными элементами, содействие скорейшей переделке советского человека. А в такой борьбе сатира является совершенно необходимым и незаменимым оружием. Надо каленым железом бичующего смеха искоренять все наследия старого рабства, забитости, робости, дикости, а также бюрократического чванства, надменности,

лени, халатности,— всех этих свойств и качеств, воспитанных годами и веками помещицкой и капиталистической «расейщины». В советском быту еще сколько угодно материала и пищи для своей, внутренней советской сатиры, уж не говоря об обступившем границы Советского союза внешнем классовом враге. Вся политическая борьба рабочего класса СССР против его врагов богато пропитана элементами сатиры.

Большевики всегда превосходно владели оружием насмешки. Политические речи тов. Сталина, несокрушимые по чеканке строго логической аргументации, заострены обычно сатирическим образом, добивающим противника. Историческая речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» завершается словами: «Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пескарей» Щедрина, которые всегда готовы распространять вокруг себя «пустоту недомыслия». Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да!»

«Премудрые пескари» существуют и в наши дни. Острые салтыковского сатирического образа не притупилось. Из этого следует, что не только преждевременно хоронить «отмирающую» советскую сатиру, но и Салтыкова еще нельзя сдавать в архив как сатирика, себя изжившего. Он нам нужен, и его надо не только изучать, но и читать.

Чтобы познакомиться с социально-экономическим укладом и классовыми отношениями России, Карл Маркс выучился русской грамоте и выписал экономические русские книги и произведения Салтыкова. Из статьи в четвертой книге «Архива Маркса и Энгельса» о русских книгах в библиотеке Маркса известно, с каким глубоким вниманием читал Маркс Салтыкова. Действительно, в русской литературе нет более глубокого художественного изображения людей и нравов эпохи крепостного права. Причем это не только «изображение». Это и страстная борьба с крепостническим строем, несколько не ослабевшая и после того, как крепостничество формально было упразднено. Ленин писал в 1907 г. в статье «Памяти графа Гейдена»:

«Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследия, принадлежащий к кадетской партии или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище, едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...»

Изобличая в том же году кадетов, Ленин выражал сожаление, что не дожил Салтыков до 1905 г. «Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Голловлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали попрежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о «поэзии борьбы» (статья «Торжествующая пошлость или кадетствующие эс-эры»).

Ленин не цитирует здесь Салтыкова. Иудушка этих слов не произносил. Но он непременно произнес бы эти слова, если бы дожил до 1905 г. Иудушка был бы в 1905 г. кадетом или даже кадетствующим эс-эром. Сатирический образ Салтыкова помогает Ленину разоблачить под напомаженной либеральной внешностью лицемерие и бездушие помещицкой литературы.

Тот интерес, с которым относились Маркс и Ленин к Салтыкову как к разоблачителю крепостнически-помещичьего быта, царизма, чиновничества, сохраняется во всей силе и для нашего времени. Не будет преувеличением сказать, что нельзя по-настоящему познакомиться с дореволюционным русским бытом, не зная Салтыкова. И если, как правильно говорит Максим Горький, советская молодежь должна знакомиться с прошлым для того, чтобы по-настоящему оценить все историческое значение и величие пролетарской революции и социалистического строительства, то надо советской молодежи непременно знать Салтыкова, как один из основных ключей к знакомству с прошлым и к пониманию его.

Ленин превосходно знал Салтыкова и часто им пользовался. Он не только цитировал Салтыкова, но и употреблял салтыковские слова и обороты речи, вводя их в полемическую большевистскую литературу. Ленин, к сожалению, не оставил нам о Салтыкове таких же статей, как о Толстом. Но если присмотреться к тому, как и в каких случаях Ленин приводит слова Салтыкова, какими его произведениями пользуется по преимуществу, можно без ошибки определить, в чем Ленин видел основную, главную силу салтыковской сатиры. Об этом писал т. Ольминский в своей книжке о Щедринах. Он же указывал на то, что буржуазно-либеральная критика, сознательно ограничивая значение Салтыкова его художественно-сатирическим разоблачением помещичье-крепостнического быта, фальсифицировала подлинный облик Салтыкова.

В статье «Плеханов и Васильев» (1907 г.) Ленин писал о меньшевиках, которые ничего не имеют против такой революции, которая обошлась бы без революционеров. «Отсутствие акушеров, отсутствие революционеров, отсутствие революционного народа — вот лозунг Васильева». Этот лозунг русских меньшевиков 1907 г. имеет, как известно, хождение и среди германских, французских и иных меньшевиков нашего времени.

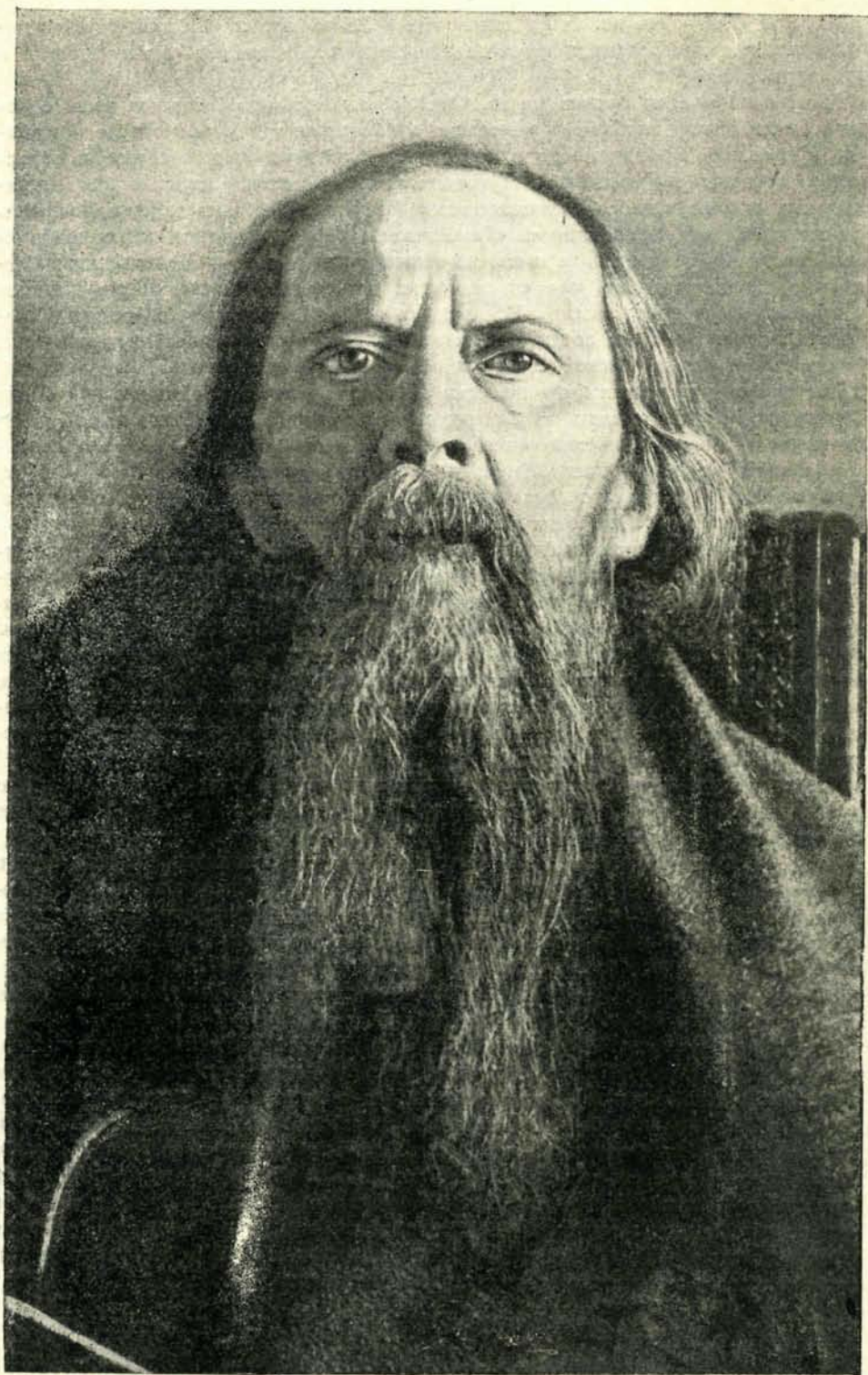
«Щедри́н классически высмеял когда-то Францию, — пишет Ленин, — расстреливавшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев. Пора родиться новому Щедрина, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции».

Эти слова о французской республике без республиканцев Ленин повторил и позже, в 1917 г., в статье «О пролетарской милиции», разоблачая «республиканцев» буржуазного «временного правительства». Из салтыковского сатирического арсенала Ленин брал таким образом оружие, направленное против буржуазного либерализма. Это оружие действовало так же метко, как и стрелы, направленные против крепостничества.

В первой же своей крупной работе Ленин, полемизируя с народниками, приводит «так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и неизбежной позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать в самом деле про «друзей народа», что они заняли эту вечную и неизбежную позицию»... («Что такое «друзья народа»»).

Салтыковское обличение либерализма Ленин и применил к народникам, вскрывая либеральную сущность их «радикальной» теории. Позже Ленин точно так же пользуется салтыковской насмешкой над либеральной склонностью к оговоркам и оговорочкам, разоблачая элементы буржуазного либерализма в теориях «экономистов». Ленин цитирует фразу из «Свободы»: «Я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но»... «Это то самое НО, — пишет Ленин в скобках, — которое Щедри́н переводил словами: выше лба уши не растут!» («Что делать?»).

И это сатирическое «но» с его салтыковским переводом неоднократно встречается у Ленина, когда он характеризует половинчатость, нерешительность, колебания либерала-меньшевика. Точно так же часто повторяет Ленин салтыковскую характеристику либерала: «применительно к подлости».

М. Е. Салтыков-Щедрин

С фотографии 1889 г., хранящейся в Государственном Историческом Музее

В статье «Еще один поход на демократию» Ленин писал: «Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой «применительно к подлости».

Достаточно и этих беглых цитат. Они показывают, что Салтыков умел с поразительной силой изобличать не только крепостничество и мракобесие помещиков и царских бюрократов, но и либеральные действия применительно к подлости со стороны «просвещенной» буржуазии и ее агентов. Салтыков был непримиримым врагом всякого соглашательства, трусливого угодничества в политике. Он издевался над французскими «Гамбеттами», расплывшимися ныне под именем Реноделей, Вандервельде и пр., но также и над русскими Молчалиными, Глуховыми, Подхалимовыми, над «премудрыми пескарями», «карасями-идеалистами» и «здравомысленными зайцами». Вся пестрая гамма оппортунизма отражена у Салтыкова в ярких образах, подсказанных гениальным чутьем величайшего сатирика. И эту сторону салтыковской сатиры в особенности ценил Ленин.

Поэтому он резко заклеил попытки либералов извратить сатирический облик Салтыкова, попытки сделать из Салтыкова либерального писателя, который разоблачал только крепостничество и только царское чиновничество. «Особенно нестерпимо бывает видеть, — писал Ленин, — когда субъекты вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Салтыкова и т. п.» («Еще один поход на демократию»).

Ныне контрреволюционная буржуазия больше за фалды Салтыкова «не хватается». Тов. Ольминский приводит в своей книжке такое, полное горькой злобы, заявление белогвардейского «Руля»: «...многим теперь совестно перед русским прошлым, и так оно выигрывает в сравнении с русским настоящим, что уж нет былой симпатии к Салтыкову-сатирику и недружелюбно и холодно перечитываешь эту сатиру, и часто она кажется несправедливой, огульной и праздною... Нет уже соответственного настроения в покаянном сердце русского интеллигента, и он имеет все горькие основания усумниться в том, был ли для него подходящим воспитателем Щедрин».

Контрреволюционная интеллигенция отрывается от Салтыкова. Это значит, что она на себе чувствует удары его сатиры. Она узнает себя в уродливых героях салтыковских сказок.

Все это делает Салтыкова писателем, близким нашему времени. Он участвует в борьбе, которая ведется против оппортунизма, маловерия, «гнилого либерализма», обывательщины, кулацких настроений и влияний. Созданные им образы не потускнели. Салтыкова надо не только изучать и не только учиться у него мастерству сатирического письма. Салтыкова надо читать, — конечно, критически читать, — а читать Салтыкова — значит любить Салтыкова и радоваться каждому вновь открываемому его слову.

Впервые публикуемые «Письма Николая I к Поль-де-Коку» и открытые в журнальной гряде давно забытые «Испорченные дети» сверкают всеми красками свежей салтыковской сатиры. Злая насмешка над «мыслями о взятии Константинополя и отобрании ключей» бьет не только по воинствующему национализму царственных помещиков и их дворян, но и по воинствующему либерализму российской буржуазии, не столь давно упраздненной. Милюков может принять на свой счет сатиру Салтыкова. Мудрого Сапиентова смущала смело высказанная мысль о том, что «будучи предварительно разбойником, можно со временем сделаться администратором». Но в наше время фашистская практика во многих «просвещенных» государствах уже сделала это положение общим местом.

Д. Заславский

[ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I С ПОЛЬ-ДЕ-КОКОМ]

I

Любезный статский советник Поль-де-Кок!

Получив Ваше письмо, что мне, как неограниченному повелителю десятков миллионов, полезно по временам выслушивать обличения, я сейчас же послал за протопресвитером Бажановым, и, когда тот явился, приказал ему обличать меня. Но послушайте, что он сказал: армия твоя наводит страх на всех твоих врагов, флоты твои по самым дальним морям разносят славу твоего имени, а чиновники с кротостью и любовью пасут вверенное им стадо.

Судите сами по этим словам, как трудно управлять таким государством, как Россия.

II

Господин статский советник Поль-де-Кок!

Мысли Ваши насчет взятия Константинополя и отобрабания известных Вам ключей вполне одобряю и усердие Ваше к Престолу нахожу похвальным. Но теперь я имею другое занятие: учу войска ходить по морю, яко по суку, в чем мне верный пособник генерал Витовтов. Когда они сего достигнут, то без труда до Константинополя добегут и оный возьмут. А впрочем, пребываю Вам доброжелательный

СТАТУЙ.

III

Господин любезно верный полковник Поль-де-Кок!

В воздание отличного усердия Вашего переименовываю Вас в полковника с зачислением в Изюмский гусарский полк, коего историю, по моему приказанию, пишет в настоящее время лихой ротмистр Гербель. Но рекомендуемый Вами план кампании Витовтов принять не советует, а равно и комендант Башуцкий, которому я тоже приказывал сказать правду об этом деле. Во-первых, войска мои еще не научились ходить по морю, яко по суку, но скоро научатся. А, во-вторых, и Нессельрод не надежен: того гляди продаст. А впрочем, видя в Вас таковое усердие к составлению планов, остаюсь доброжелательный

СТАТУЙ.

IV

Господин полковник Поль-де-Кок!

Мысль, Вами в 1848 году заявленная, проводится ныне в осуществление. На сих днях Константинополь будет взят, и по совершении в нем молебствия с водосвятием, открыто будет Константинопольское губернское правление, а в Адрианополе — земский суд. В ознаменование сего, купив в Гостинном дворе орден Меджидие 1-й степени, повелеваю Вам возложить оный на себя и носить по установлению.

СТАТУЙ.

КОММЕНТАРИИ

С апреля 1875 г. по май 1876 г. Салтыков жил за границей. Он был тяжело болен и лечился в Баден-Бадене и Ницце. Болезнь с трудом поддавалась не то что лечению, но даже определению врачей. Но она нисколько не ослабила его творческих сил. Он писал в это время едва ли не лучшее из своих произведений «Господа Головлевы» (в виде отдельных очерков, входивших первоначально в серию «Благонравных речей»). Одновременно с этим писались очерки из циклов «Экскурсии в область умеренности и аккуратности» и «Между делом», известный рассказ «Сон в летнюю ночь», начинался новый цикл «Культурные люди», написаны некоторые чисто публицистические статьи. Не удовлетворяясь этим, Салтыков замыслил еще рассказ, посвященный Петрашевскому или Чернышевскому (ср. «Письма Салтыкова», ГИЗ, 1925, № 196, стр. 111—112). Это была бы, очевидно, явно нецензурная вещь. Повидимому, она не была написана. Но зато Салтыков создал в то время другое не менее нецензурное по тем временам произведение: интересующую нас сейчас переписку императора Николая I с французским романистом Поль-де-Коком.

Создавалась эта вещь в письмах к ряду друзей Салтыкова: И. С. Тургеневу, А. М. Цеховскому, А. М. Унковскому (товарищ Салтыкова с детских лет, тверской землец, деятель крестьянской реформы, адвокат), А. Н. Еракову (инженер путей сообщения, родственник Н. А. Некрасова) и может быть еще к кому-нибудь. Большая часть этих писем приходилась на долю двоих последних. Историк литературы В. Е. Максимов-Евгеньев видел в руках сына А. М. Унковского пачку писем Салтыкова, содержавшую занимающую нас переписку. Позднее он слышал от того же А. М. Унковского, что письма были переданы кому-то из близких знакомых семьи Унковских и затерялись (см. «Красная газета», вечерний вып. 27 января 1926 г., № 24). С другой стороны известный литератор и издатель, Л. Ф. Пантелеев, свидетельствует, что больше всего писем было к А. Н. Еракову, но они сгорели во время пожара (газета «Современные вести» 1917 г., № 22, см. также его «Из воспоминаний прошлого», кн. II, 1908 г., стр. 157). Оба эти свидетельства подтверждаются письмами самого Салтыкова к Н. А. Некрасову. Так, 3 марта 1876 г. Салтыков писал последнему из Ниццы: «Кланяйтесь Еракову; скажите ему, что я не пишу ему потому, что он переписки Поль-де-Кока не желает, а без этого и письмо не в письмо». В письме от 24 марта 1876 г. из Ниццы Салтыков сообщает, что сегодня писал Унковскому, и прибавляет: «Там же два письма из Поль-де-Коковой переписки. Думаю, что Ераков также будет смеяться» (см. «Письма Салтыкова», №№ 105 и 110). Факт послышки некоторых частей этой переписки И. С. Тургеневу подтверждается письмами последнего к Салтыкову. Так, 3 января 1876 г. Тургенев пишет: «Меня привел в восторг Ваш набросок юмористического рассказа о переписке Николая Павловича с Поль-де-Коком; это Вы непременно должны написать, ибо это будет перл первой величины»; и еще позднее от 19 января 1876 г.: «Переписку Николая Павловича с Поль-де-Коком, конечно, печатать нельзя теперь, да и переименовывать ее грех; пусть она пока существует в рукописи, а там современем увидим. На это Вы мне скажете, что у Вас нет времени на безвозмездные занятия литературой; но ведь я воображаю себе эту переписку не бог знает каких размеров — так страниц в 20 или 25; это Вы, я полагаю, можете одолеть не спеша» (первое издание писем И. С. Тургенева, изд. Литфонда, 1885, №№ 217. и 219).

В последнем письме Тургенева гипотетически определяются размеры переписки. Судя по указанным выше воспоминаниям, она могла быть и больше. Тем более приходится жалеть, что она не сохранилась за исключением публикуемых ныне образцов писем или рескриптов Николая I. Далее, из приведенных выше писем Салтыкова и Тургенева можно заключить, что писание этой вещи приходится в значительной мере на начало 1876 г. Но оно затронуло и конец 1875 г. По крайней мере три из публикуемых ныне рескриптов взяты нами из письма Салтыкова от 21 декабря 1875 г. В первом из этих рескриптов Поль-де-Кок именуется статским советником, а в двух следующих полковником. Не следует ли отсюда предположить, что первый из напечатанных рескриптов должен быть отнесен к более раннему периоду, потому что в нем Поль-де-Кок также является еще статским советником? К сожалению, этот рескрипт в рукописи не сохранился. Мы имеем его лишь в изложении по памяти Л. Ф. Пантелеева в его статье: «Как трудно управлять Россией» (газета «Современные вести» от 24 декабря 1917 г., № 22).

В юбилейном 1914 году, в связи с 25-летием со дня смерти Салтыкова, проф. С. А. Венгеров между прочим вспоминал, что слышал о крайне интересной сагитуре Щедрина: «Как император Николай Павлович произвел Поль-де-Кока в статские советники». Где эта рукопись? — спрашивал Венгеров («Биржевые ведомости», № 14120). Это указание С. А. Венгерова как будто дает нам, хотя бы по

названию, еще один рескрипт Николая Павловича к Поль-де-Коку. Последний является перед нами в тот момент, когда он не был еще не только полковником, но и статским советником. Вместе с этим время написания рескриптов отодвигается еще дальше, на начало декабря — конец ноября 1875 г.

За что же последовало это первое производство Поль-де-Кока? Салтыков рассказывает, что, как он якобы слышал от современников, Николай I так поклонялся таланту Поль-де-Кока, что не мог терпеливо дожидаться выхода в свет его новых романов и получал их из Франции в листах. Он даже жаловал любимому писателю российский чин статского советника. Вот, значит, что было причиной первой милости Николая I к Поль-де-Коку! Салтыков не мог, конечно, придумать ничего более естественного. Как раз в николаевские времена Поль-де-Кок славился на всю Европу своими скабрёзными произведениями (хотя по сравне-

В письме к Брюсову, написанном
 17 мая 1876 г., говорится, что пер-
 вым Поль-де-Кока не признавал, а
 скоро и совсем не признавал.
 Убежден, давно не признавал,
 отнюдь давно. Не признавал ли?
 Маю наст' ртов мучил.

УПОМИНАНИЕ О «ПЕРЕПИСКЕ ПОЛЬ-ДЕ-КОКА» В ПИСЬМЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
 К Н. А. НЕКРАСОВУ ОТ 3 МАРТА 1876 Г.
 С подлинника, хранящегося в Институте Новой Русской Литературы

нию с позднейшими французскими натуралистами он не давал в своих романах ничего особенно циничного). Одной из наиболее известных его вещей был роман «Gustave, ou le mauvais sujet», о котором как раз М. Е. Салтыков и упоминает в своем письме от 21 декабря 1875 г., единственном сохранившемся до наших дней документе, в котором имеются в автографах три письма Николая I к Поль-де-Коку (у нас в публикации — II, III и IV). С другой стороны, Салтыкову было достаточно хорошо известно, что царственный жандарм в частном быту смотрел на жизнь с точки зрения породистого производителя конского завода; редкая женщина при дворе избегала покушений императора или кого-либо из его свиты. Таким образом мысль сопоставить эти два имени, эти две фигуры, была мысль столь же простая, как и великая.

До сих пор мы имели дело только с одной стороной, Николаем Павловичем и его письмами к Поль-де-Коку. Но у нас есть, хотя и косвенные, данные, рисующие отношение Поль-де-Кока к своему высокопоставленному другу. И вот здесь, может быть, Щедрин достигает вершины своего искусства.

Дело в том, что Поль-де-Кок, очевидно, польщенный оказанным ему высоким вниманием, вдруг превращается из беззаботного «певца любви» в глубокомысленного политика.

Сначала мы видим Поль-де-Кока озабоченным внутренней политикой Николая I: «Вам, государь, пишет Поль-де-Кок, как неограниченному повелителю многих десятков миллионов подданных, полезно по временам выслушивать обличения». В ответ на это письмо и последовал первый из дошедших до нас рескриптов, в ко-

тором Николай I сообщает о неудачной попытке обличения его протопресвитером Бажановым (по приказанию самого обличаемого!). О Бажанове сам Николай I говорил, что нашел его, зайдя однажды на урок закона божьего в гимназию, где преподавал Бажанов. Последний был сделан наставником наследника и всей царской семьи, а затем и ее духовником. Это продолжалось и при Александре II. Как раз в 1875 г., совсем незадолго до наших писем, Бажанов с большой торжественностью отпраздновал свой юбилей.

Поощренный милостивым рескриптом, Поль-де-Кок пошел дальше. Как раз в это время во Франции происходила революция 1848 г. И вот Поль-де-Кок решается вмешаться и во внешнюю политику. Он советует Николаю I воспользоваться господствующими на его родине неурядицами и взять Константинополь. Ответом на это предложение Поль-де-Кока и является второй рескрипт. Упомянутый в нем генерал Витовтов был начальником штаба Николая I. Изумительна подпись императора — «Статуй».

Получив на этот раз, хотя и милостивый, но все-таки отказ, Поль-де-Кок не омушчается. В следующем 1849 г., в виду агитации в пользу избрания Бонапарта президентом республики, Поль-де-Кок опять настаивает и предупреждает, что с Бонапартом будет труднее ладить, чем с Ламартином (известный французский поэт-романтик, бывший одним из руководящих членов французского революционного правительства). Николай I вновь отклоняет совет Поль-де-Кока в виду контрсоветов своих военных авторитетов: названного выше Витовтова и петербургского коменданта Башуцкого (Башуцкий был петербургским комендантом с начала века и «за полное усердие и преданность», обнаруженные 14 декабря 1825 г., был пожалован в генерал-адъютанты, а через год в сенаторы, но в 1848 г. его давно уже не было в живых, — обычный у Салтыкова сознательный анахронизм), ссылается также на «ненадежность» Нессельроде, очевидно, в виду известной близости последнего к Австрии, интересы которой затрагивались проникновением России на Балканы. Но чтобы позолотить вторичный отказ и оттенить момент личного благоволения за такое «усердие в составлении планов», Николай называет здесь Поль-де-Кока «любезно-верным» и переименовывает из статского советника в полковники. Упомянутый при этом Гербель — это известный поэт-переводчик, бывший действительно гусаром Изюмского полка.

В 1853 г., наконец, войска были выучены и решено было идти «по морю яко по суху». Известие об этом Николай Павлович и послал Поль-де-Коку в своем последнем рескрипте с повелением носить турецкий орден Меджидия 1-й степени.

«Любопытно, — продолжает сатирик, — что Поль-де-Кок действительно начал носить орден, но был уличен и отдан под суд за неправо ношение орденов».

На этом и кончается известная нам пока часть переписки. Эти немногие сохранившиеся фрагменты наряду с косвенными свидетельствами современников, приведенными выше, дают, однако, отчетливое представление о характере этой замечательной сатиры. «Переписка» была задумана и осуществлялась в форме «рескриптов» Николая Павловича («Статуя») к Поль-де-Коку, сопровождавшихся комментариями и примечаниями «издателя» рескриптов, т. е. самого сатирика.

Трудно было язвительной высмеять николаевщину, чем это сделал Салтыков. Знаменитый девиз николаевской военщины: «шапками закидаем!» — заменен в сатире «хождением по морю, яко по суху!» Но интереснее всего, что великодержавные завоевательские мечты о Константинополе и «ключях» к проливам рождаются не в «рыцарской» груди Николая Павловича, а в мозгу бульварного французского романиста, певца гризеток и адюльтера. Но и этого мало. Сатира Салтыкова имеет обычно и другой план, метит в двойную цель. И наша сатира целит не только в недоброй памяти николаевщину и завершившую ее Севастопольскую кампанию. Она намекает одновременно и на новый под'ем агрессивных стремлений русского правительства на Ближнем Востоке в середине 70-х годов.

Чтобы до конца выдержать стиль, Салтыков в этом же письме просит сообщить редактору «Русской старины» М. И. Семевскому, чтобы он поспешил с покупкой коллекции писем потому, что ее «уже торгует один англичанин».

Нам остается прибавить немного. Нельзя вполне достоверно установить, кому адресовано письмо от 21 декабря 1875 г., в котором мы находим наши рескрипты: в нем нет именного обращения к адресату в начале и далее текст не дает никаких указаний на адресата. Известно лишь, что оно поступило в Пушкинский Дом в составе архива А. Ф. Кони вместе с несколькими письмами Салтыкова к А. Н. Еракову.

Н. Яковлев

ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ

Предисловие, объясняющее происхождение одного литературного общества

Вдова действительного статского советника и кавалера, Катерина Павловна Младо-Сморчковская, рожденная княжна Пустодомова, имела четверых сыновей-погодков: Гришу, Сережу, Ваню и Пашу. Всех их она, разумеется, предназначала для самой блестящей будущности. Она была бы, например, очень рада, если бы хоть один из них вышел чем-нибудь вроде Суворова, и надо сказать правду, что маленький Ваня до некоторой степени даже оправдывал материнские мечты. Он не любил никакой игры, кроме игры в солдатики, отворачивался от всяких игрушек, кроме оловянных кавалеристов и пехотинцев, терпеть не мог никакой мелодии, кроме мелодии барабана; наконец, ел и пил всякую дрянь. Однажды, засмотревшись на маленького Ваню, как он маршировал, и какие трудные переходы заставлял делать своих оловянных однокашников, Катерина Павловна до того забылась, что воскликнула: «иди! спасай царей!» Конечно, она сама сейчас же опомнилась и порядком-таки струхнула, но, к счастью, в то время никого, кроме Вани, в комнате не было, и происшествие это осталось без последствий. Но, с другой стороны, она понимала и то, что Суворов был всего на всего один, и что, следовательно, четверым одну вакансию занять никак нельзя. Поэтому, она была не прочь удовольствоваться для других сыновей и просто солидною административной карьерой, которая хотя и не поражала бы таким блеском, как карьера военная, но зато обещала бы более прочности и обеспеченности в будущем. Сказать ли правду? К административной карьере у нее даже больше лежало сердце, нежели к военной...

Чтобы понять причину этого последнего предпочтения, необходимо сказать, что покойный муж Катерины Павловны был в начале нынешнего столетия несколько лет сряду, губернатором в одной из самых хлебных губерний России. На этом месте он достиг всего, что только человеческому желанию доступно. В глазах начальства, он славился строгостью и скоростью; глаза откупщиков ослеплял неупустительностью во взимании даней; в глазах предводителей дворянства имел то ни с чем несравнимое качество, что держал лучшего повара в целой губернии и откармливал дома совершенно невиданных поросят. Таковы были гражданские доблести покойного. Но были, однакож, и военные. Катерина Павловна очень хорошо помнила, как ее Иван Григорьич делал походы против бунтовщиков и недоимщиков, как он не подвергался при этом ни малейшей опасности, и как, за всем тем, из каждого похода возвращался обремененный добычею.

«Разграбив имущества, предав селения в жертву пламени, уничтожив пажити и надругавшись над женами и девами, они (печенег) возвращались во свои, обремененные добычею», — вспоминалось при этом Катерине Павловне из ее далекого институтского прошлого.

— Конечно, все это прекрасно, — мысленно прибавляла она в заключение: — и слава и лавры! Однако, с печенегами все-таки покончили — и где теперь их добыча! — А мой Иван Григорьич и умер-то своей смертью, да и из добычи кой-что после себя оставил!

Вообще, Катерина Павловна довольно своеобразно смотрела на русскую историю. Она делила ее на два периода: первый, до убийства боярина Кучки, и второй — после убийства боярина Кучки. До убие-

ния, ей представлялся какой-то хаос, в котором мелькали хозары и печенеги, обремененные добычей, но ничего своим детям не оставившие; после убийства, наступал московский период, который уже потому был ей известен, что она была уроженка Москвы, и следовательно, отлично знала и Ивана-Великого, и Солянку, и Арбат. Особенных подробностей, конечно, и об этом периоде она не могла сообщить, но ей представлялось за верное, что в это время жили все Иваны Васильичи, да Васильи Иванычи, которые отличались от печенегов тем, что были люди хозяйственные и с добычей обращались умненько.

— Нет, лучше поскромнее, да посolidнее! — заключала она мысленно: — лучше быть каким-нибудь сереньким Васильем Ивановичем, чем знаменитостью вроде князя Дедери (так ошибочно называла она славного в летописях печенежского князя Редеду), у которого, пожалуй, и штанов не было!

И решила, что дети ее будут, по малой мере, градоначальниками, то-есть пойдут до известной степени по стопам доблестного родителя, за исключением, пожалуй, Вани, который мог, если хотел, сделаться и Суворовым.

В исполнении этих намерений Катерине Павловне не мало помогал Степан Петрович Сапиентов, рекомендованный братцем, князем Кириллою Пустодомовым, как педагог, специально посвятивший себя приготовлению государственных младенцев.

Степан Петрович был явлением довольно обыкновенным в то небогатое людьми время. Происходя из «прискорбных» и кончивши курс в духовной академии, он, при помощи ласковости и пастырского благословения, кое к кому втерся, кое около кого потерся, так что в непродолжительном времени познал даже употребление носового платка. Он уже мечтал о том, как современем заменит собою Сперанского, но выходящие из ряда педагогические способности помешали ему сделаться государственным человеком.

Издавна замечено, что слишком большое усердие, слишком исключительная специальность скорее мешают, нежели помогают. Для того, чтобы свободно подниматься по лестнице жизни, необходимо отчасти порхать, отчасти скользить по поверхности. Порхающий человек то на один цветок сядет, то на другой — не успеешь оглянуться, а он в результате административный сот. Напротив того, человек усидчивый, обладающий чугунной поясницею, так и кажется, что заведет в трущобу. Я знал очень многих почтеннейших регистраторов, из которых каждый был бы, конечно, не прочь устроить свой собственный сот, но ни один не был к тому допущен именно потому, что слишком уж ревностно записывал исходящие и входящие бумаги. Как только начальство раз убедилось, что человек на известном месте необходим, что без него, как без рук, так карьера этого человека кончена. Истинные честолюбцы знают это, и потому на каждом встречающемся цветке останавливаются именно на столько времени, сколько нужно, чтобы извлечь из него необходимое в данную минуту количество меда. И таким образом, порхая, играя и летая, допархиваются и доигрываются иногда до должностей, весьма приглядных.

Подобного рода неприятность случилась и с Сапиентовым. Репутация его, как педагога, специально посвятившего себя приготовлению государственных младенцев, установилась так прочно, что никому даже в голову не приходила мысль о возможности видеть его в другом положении. Конечно, его, для формы, записали в какую-то комиссию, занимавшуюся разработкой «некоторых приличных нашим обстоятельствам конституций», но ни до одной конституции не допу-

стили, и звания государственного человека не удостоили. За то кормили домашними обедами, награждали чинами до статского советника включительно и обещали современем сосватать богатую купчиху. Так он и оставался, в качестве жениха предполагаемой купчихи, видя, как Сперанский мелькает перед его глазами, и горько плачась на неблагоприятность к нему фортуны. В 1812 году, фортуна, казалось, улыбнулась ему. Сперанский был обвинен в пособничестве Наполеону — он нет; Сперанский был сослан в Нижний — он нет. Он каждый день ждал курьера... Увы! На горизонте, действительно, возшла новая звезда, но не он, Сапиентов, был этой звездой, а какой-то Крестовоздвиженский или Ризоположенский, одним словом, некто такой, кому он еще в семинарии неоднократно задавал вселенскую смазь.

Он покорился.

В таком положении, то-есть вполне примирившимся с скромной ролью воспитателя государственных младенцев, мы застаем его в ту минуту, когда братец князь Кирилл Пустодомов познакомил с ним Катерину Павловну.

— А позвольте, сударыня, узнать, какие вы имеете виды на ваших малюток? — спросил Сапиентов, повидимому, придерживавшийся, в деле воспитания, той теории, что малютка — воск, из которого, по усмотрению, можно наделать и крепких в брани генералов, и прилежных ко взысканию недоимок администраторов.

— Откровенно вам скажу, что мне хотелось бы пустить их по штатской, — отвечала Катерина Павловна: — ну, знаете, однакож, чтоб и рыцарские чувства... не совсем же были забыты...

— В нашем отечестве, сударыня, рыцарские чувства наипаче в чиновническом сословии пребывают. Чувства сии суть: исполнительность и неуклонное хранение вверенной тайности!

— Отец их был губернатором — ну, мне, конечно, хотелось бы, чтобы и они... ну, хоть градоначальниками! Все же, знаете, кусок хлеба... Разумеется, не сразу — сразу, я знаю, нельзя, а исподволь... Я вам должна сказать, что Гриша несколько знаком даже с формами и обрядами делопроизводства!

— Вот как-с!

— Да; мой покойник обращал на этот предмет большое внимание, и говаривал, что в нем заключается истинное счастье жизни. Сережа — тот больше по части любознательности. Что-нибудь выведать, высмотреть — вот его дело. И сейчас прибежит ко мне, и все перескажет: такой откровенный ребенок!

— Сударыня! Если бы у нас в каждой губернии было хотя по одному такому откровенному ребенку, то наше благополучие было бы несомненно! Это верно-с.

— Ну, Паша — тот больше к деньгам пристрастие имеет; считает, знаете, копит, занимается, делает разные операции... иногда даже утаивает...

— Может, стало быть, по финансовой части быть деятелем. Но вы пропустили, сударыня, третьего вашего малютку...

— Ах, об Ване, право, не знаю, что и сказать вам. Он больше все с барабаном! Да вот еще на-днях выдумал в трубу трубить!

— Что же-с! И по этой части слуги нужны. В садах государственной службы не один мирт произрастает, но и лавр!

— Так-то так, мой почтеннейший Степан Петрович, да все как-то страшно за него. Мирты-то, знаете, прочнее, солиднее. Как в кармане-то густо, так и на свет смотреть как будто веселее. А с этими лаврами и свое как раз спустишь!

— Бывали, однако, сударыня, и иные указания в истории. Сципион Азиатский, например, не только своего не расточил, но даже весьма приумножил!

— Ну, да, конечно, кабы командиром... вот тоже по провиантской части хорошие места бывают... а все же, знаете, по штатской как-то солиднее!

— Что же-с! Постараемся в один веночек вплести и лавр, и мирт. Как говорит поэт:

И лавр, обнявшись с павиликой...

Стало быть, это дело возможное-с.

На этом конференция и кончилась.

Не имея в предмете излагать здесь полную систему воспитания государственных младенцев, изобретенную Сапиентовым, я остановлюсь только на той из ее подробностей, которая имеет непосредственное отношение к помещаемым ниже рассказам. Поставив себе задачей возбудить в своих питомцах охоту к мышлению, Степан Петрович непрерывно упражнял их в сочинениях на разные темы. Само собою разумеется, что темы брались преимущественно из сферы административной, к которой собственно и приготавливались молодые люди. «Надобно их постепенно соблазнять», — говорил Сапиентов, и шел к своей цели неукоснительно, то-есть, переходя от легчайших понятий и предметов к труднейшим. Так, на первый раз, он задал сочинение на тему: «что такое канцелярская тайна?» И когда этот вопрос был разрешен, то приступлено было к разрешению вопроса последующего: «почему канцелярская тайна необходима?» Потом он задал сочинение на тему «о благосклонности вообще и административной в особенности». Потом: «о спасительной строгости и благомилостивом прощении». Когда же, по его мнению, был удовлетворительно пройден весь цикл административных воздействий, тогда он решил в своем уме, что настало время увенчать здание. «Дети, сказал он себе, приобрели весь необходимый материал, который был нужен, чтобы составить отчетливую идею о том, что такое администратор вообще. Попытаем теперь, в какой степени они соблазнены!»

Остановившись на этой мысли, он задал двоим старшим питомцам сочинение на тему: «Добрый служака», а для двоих младших выбрал тему полегче: «Добрый патриот». Причину, по которой он почитал эту последнюю тему более легкой, он объяснил Катерине Павловне следующим образом:

— Сударыня! — говорил он: — чтобы написать хорошее сочинение на тему «Добрый служака», надо до известной степени обладать административной практикой, которой Ваши младшие птенчики еще не имеют. Между тем, упражнение на тему «Добрый патриот» ничего не требует, кроме возвышенных чувств. Поэтому, я позволяю себе думать, что в этом случае малолетство автора не только не должно почтаться препятствием, но даже может служить немаловажным подспорьем!

Ответом на заданную тему были следующие ниже сочинения. Они печатаются здесь, как с подстрочными замечаниями, сделанными Сапиентовым на полях, так и с общими замечаниями, сделанными им же в конце каждого упражнения.

I. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА

Из моих воспоминаний

(Сочинение 13-летнего Гриши Младо-Сморчковского)

Не в весьма давнем времени, однако, и не меньше тринадцати лет назад, от благородных родителей произошел на свет молодой человек, получивший впоследствии столь громкую известность ¹, под именем Гриши Младо-Сморчковского второго.

Отец Гриши, действительный статский советник и кавалер Иван Григорьевич Младо-Сморчковский, был в то время —ским губернатором, и отличался строгостью и скоростью; мать Гриши, рожденная княжна Пустодомова, славилась красотой, любезными нравами и еще тем, что в совершенстве знала, какой уезд какими произведениями изобилует. Сочетание сих качеств изумительным образом отразилось в Грише. Он был строг, быстр, но в то же время не чуждался и хозяйственных соображений ².

К сожалению, Гриша совершенно не помнит обстоятельств своего рождения. Должно полагать, что и он не избежал общего горького закона природы, то-есть родился наг, беспомощен, и некоторое время не мог даже ходить. Помнит, однако, что первый предмет, который обратил его внимание и к которому инстинктивно потянулись его ручки, был журнал «Министерства Внутренних Дел», издававшийся тогда под редакцией г. Варадинова ³.

Заметив в Грише такую особливую склонность к правительственным распоряжениям, родители его не замедлили всячески оную в нем поддерживать и развивать. В шестилетнем возрасте, он случайно достал из губернского правления довольно пространный сенатский указ, и в тайне изучал его; а семи лет, ко дню ангела своего родителя, он уже сочинил рапорт «о том, зачем по присланному из сената указу исполнения учинить невозможно». С тех пор, чтение начальственных предписаний сделалось любимейшею его забавой.

Так жил Младо-Сморчковский, возбуждая зависть в старых советниках губернского правления, и будучи предметом удивления для поседаемого в боях вице-губернатора. Впрочем, отдавшись душой гражданским доблестям, он не пренебрегал и воинскими упражнениями, которые впоследствии тоже принесли ему много пользы. Так, например, к восьми годам, он уже знал все построения, какие необходимы для действия против обывателя ⁴.

Вообще, день этого молодого человека был распределен так: в 6 часов утра пробуждение и умывание холодной водой, à la Suworoff; непосредственно вслед за тем одевание (солдатские брюки и солдатская же грубого сукна шинель) и пение «ура!» — до тех пор, покуда не пробьет семь часов. В семь часов, кружка сбитня и кусок черного хлеба. После того, до двенадцати часов, телесные упражнения, ружейные приемы, учение одиночное, двурядное и проч. Начальные понятия об атаке. В двенадцать часов, молодой человек, возвратившись в свою комнату, подобно всем господам военным, говорил: «Ух, устал, как собака!» и позволял себе полчаса вздремнуть, сидя на стуле и

¹ Не слишком ли самонадеянно сказано о громкой-то известности? И почему «под именем», когда Младо-Сморчковский не псевдоним, а действительная фамилия? Сапнентов.

² Не знаю, в какой степени можно сказать сие о младенце, едва родившемся. Сап.

³ Автор предвеляет события. Сап.

⁴ бог, но сомнительно. Сап.

облокотясь головой на правую руку. В час — обед, состоящий из солдатских щей с солониной (иногда даже не совсем свежую) и крутой каши. После обеда, вместо рекреации, пение и «ура!»; затем: ружейные приемы, езда марш маршем и «сабли наголо!», причем всегда присутствовало несколько сверстников, которые представляли внутренних врагов, то-есть обывателей¹. С двух до шести чтение указов и писание рапортов, большей частью «с действительным исполнением»; ибо даже в юных летах Младо-Сморчковский второй никаких препятствий в деле исполнительности выносить не мог. В шесть часов, вновь кружка сбитня и затем, до девяти часов практические упражнения на тему: «кто хочет начальствовать, тот прежде сам должен научиться повиноваться». В этих видах Младо-Сморчковский второй предлагал кому-нибудь из сверстников, ниже его рангом, что-либо ему приказать, и исполнял то приказание слепо; потом, в свою очередь, сам приказывал, — и горе тому, кто позволил бы себе хотя на одну черту уклониться от исполнения приказанного. В девять часов, утомление и сон...

Такой образ жизни не только укрепил Младо-Сморчковского физически, но и уму его сообщил замечательную прозорливость. Так, будучи девяти лет отроду, он уже начинает замечать некоторые недостатки в управлении своего родителя. Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности². Младо-Сморчковский первый все еще как бы оглядывался по сторонам, и хотя нередко говаривал, что рассуждать не следует, однако, по слабости своей, рассуждал³. Напротив того, Младо-Сморчковский второй сразу решил в сердце своем: не рассуждать!⁴ и сообразно с сим начертал план будущей атаки. Когда он взирал, как копаются чиновник особых поручений Степнухин, как разводит на боках правитель канцелярии Подоплеков, и как родитель его, вместо того, чтобы броситься в атаку и стремительным натиском смять врага, мямлил, отправляя дела в губернское правление для обсуждения... то сердце его обливалось кровью⁵. И вот, по поводу этого-то мямления произошли первоначальные пререкания между Младо-Сморчковскими первым и вторым.

Дело началось с почтительных представлений Младо-Сморчковского второго. Получена была из Петербурга бумага, содержание которой сразу пленило сердце Гриши. Подлинно рассказать это содержание невозможно, но достоверно, что в ней, с одной стороны, нечто принималось в соображение, с другой стороны, нечто не упускалось из вида, и в то же время нечто рекомендовалось особенному вниманию. В заключение — смерть врагам!⁶

¹ Непонятно, почему обыватель везде именуется внутренним врагом? Можно назвать врагом: недоимщика, вольнодумца, распространителя вредных и опасных слухов, разглашателя канцелярской тайны — все сии лица мешают свободному административному бегу. — но обывателя вообще... отнюдь! Обыватель скорее друг администрации, нежели враг ее. Он платит подати, возит чиновников на обывательских, то-есть без прогонов, топят печи в земских судах и городских правлениях, за что пользуется титулом сельского заседателя или ратмана. Вот подлинные занятия обывателя — что же в них враждебного? За всем тем, нельзя не сознаться, что и в замечании Младо-Сморчковского второго есть мысль довольно справедливая. Но оную надлежало развить гораздо подробнее. С а п.

² А со стороны Младо-Сморчковского второго есть строптивость. С а п.

³ Не по слабости, а по прирожденной наклонности к умствованию. Наклонности, хотя и ведет нередко человека к гибели, однако, совершенно преодолеть он ее не может. Впрочем, если это и слабость, то она уже потому извинительна, что без помощи ее мы не знали бы, что человек смертен. С а п.

⁴ А сам рассуждает! С а п.

⁵ За такие мысли следует автору изрядно намылить голову. С а п.

⁶ Любопытно было бы сию бумагу прочитать, коли она не вымысел автора фантазии. С а п.

Как уже сказано выше, пламенный юноша Младо-Сморчковский второй был совершенно очарован плавным и текучим слогом этой бумаги. Он с восторгом повторял затверженные из нее фразы, так что было время, когда родительский его дом ничем другим не оглашался, кроме: «С одной стороны», «с другой стороны», «но в то же время» и т. д. Напротив того, Младо-Сморчковский первый смотрел на это дело иначе, и даже прямо называл новый административный слог развратным¹.

Однажды, в седьмом часу вечера, когда Младо-Сморчковский второй, по обыкновению, принес на просмотр к отцу только что сочиненное им примерное предписание по делу «о новоявленном в некоторой местности буйственном духе», то Младо-Сморчковский первый, вместо того, чтобы похвалить, как это всегда прежде бывало, сказал:

— Эге, любезный! Да, кажется, и ты этой развратной галиматье подражать начинаешь!²

Младо-Сморчковский второй смолчал, но, поняв всю силу нанесенного оскорбления, вспыхнул.

— Ну, скажи на милость, продолжал Младо-Сморчковский первый:— разве это не галиматья: «с одной стороны, принимая во внимание обычную в сем звании нераскаянность, с другой стороны, не упуская из вида, что строгость всегда спасительна, я в то же время считаю не лишним рекомендовать вашему благородию, что вы в значительной степени можете улучшить вредное направление умов, если своевременно, незамедлительно и даже нерассудительно скомандуете: в атаку!» Ведь таким манером ты, глупенький, весь народ перебеешь!

— Если он этого достоин, то перебью! — твердо отвечал Младо-Сморчковский второй.

— С кем же ты после останешься? Ах, глупенький ты, глупенький мальчик!

Как ни сдерживал себя Младо-Сморчковский второй, но уста его невольно прошептали: старый колпак!³

Тогда началось исправление, предпринятое, как впоследствии дознано, по методу г. Миллера-Красовского⁴. Пощечины следовали одна за другою с такою неожиданностью, что Младо-Сморчковский второй не мог даже ничего придумать, дабы отвратить от себя сие бедствие... Но в это время в голове его уже созрел план.

План этот заключался в том, чтобы во что бы то ни стало самому сделаться градоначальником... а быть может и министром!

С этой целью он решил: вопервых, покинуть отчий дом; вовторых, объявиться начальству и откровенно изъяснить ему свои виды и предположения, и, втретьих, заявить решительное намерение не выпускать бразды из рук, покуда хоть один враг останется налицо.

Путешествие предстояло опасное и продолжительное, но Младо-Сморчковский второй и не скрывал от себя трудностей своего предприятия. Он несколько дней сряду откладывал от своей скудной порции по куску хлеба, высушивал эти куски в печке, и когда сухарей накопилось достаточно, пустился в путь.

В глухую полночь, он навсегда покинул теплую постель, чтобы отныне исключительно отдаться административным приключениям!

¹ Не может быть. Несогласно с твердыми правилами Младо-Сморчковского первого называть бумагу, писанную на бланке, развратною. С.п.

² Неправда. С.п.

³ Нехорошо. Дурно. С.п.

⁴ Но какую же иную методику предпринять? Каков проступок, такова и метода. С.п.

Он не будет описывать здесь красоты природы, которых, впрочем, было очень достаточно; он не изобразит величественный восход солнца, или менее величественный закат его; он не представит картину бури, в своем разрушительном беге вырывающей с корнями столетние дубы... Все эти предметы были в то время чужды его душе, исключительно поглощенной административными заботами.

Несколько дней скрывался он на городском выгоне в заброшенном кирпичном сарае, питаюсь черствыми и заплесневелыми сухарями, утоляя жажду дождевой водой и тая в груди свой замысел. Наконец, опасность погони миновалась, страхи рассеялись, и Младо-Сморчковский второй с трудом выполз из своего убежища. Казалось, вожденная цель была близка...

Но Провидению угодно было на сей раз отдалить ее. Прежде, нежели привести в исполнение обширный свой план, Младо-Сморчковский второй должен был сделаться атаманом шайки разбойников ¹.

Мало кому известно, сколько разнообразны и тяжелы обязанности атамана разбойников. Вставать с зарею, питаться сырыми произведениями природы, скрываться в лесах и пещерах, и в то же время нести на своих плечах все бремя хозяйственных распоряжений по содержанию и продовольствию шайки, целый день быть свидетелем пролития человеческой крови, обладать несметными сокровищами и очень часто не знать, какое сделать из них употребление — какая нужна железная сила духа, чтобы вынести подобное существование! Однако, Младо-Сморчковский второй и эту трудную школу выдержал с честью!

Поступив в разбойники и предвидя, что ему придется совершать поступки, которые могут огорчить его родителей ², он принял фамилию Туманова. В первый же день, он собственными руками зарезал мать многочисленного семейства, а ребенку ее раздробил об камень голову ³. На другой день, он, под видом отставного солдата, идущего на родину ⁴, забрался в убогую хижину гостеприимного селянина, и ночью, когда все его семейные улеглись спать, Туманов иным отрубил головы, а иных задушил, и, забрав значительную сумму золотом и бумажками, возвратился в разбойничий лагерь. Мужество и проворство ⁵, которые он при этом выказал, доставили ему такую популярность между разбойниками, что вскоре все окрестные леса огласились именем неустрашимого атамана Туманова.

Так проводил свои дни, в бесперывных занятиях, славный атаман разбойников Туманов.

Он уже имел намерение, подобно знаменитому своему предместнику, Ермаку Тимофеевичу, отправиться в какую ни на есть отдаленную страну, с тем, чтобы покорить ее оружием России, но не успел еще определить, в каком месте находится упомянутая страна, как fortuna совершенно неожиданно изменила ему. Это случилось именно в то время, когда он разбойничал в знаменитых Муромских лесах.

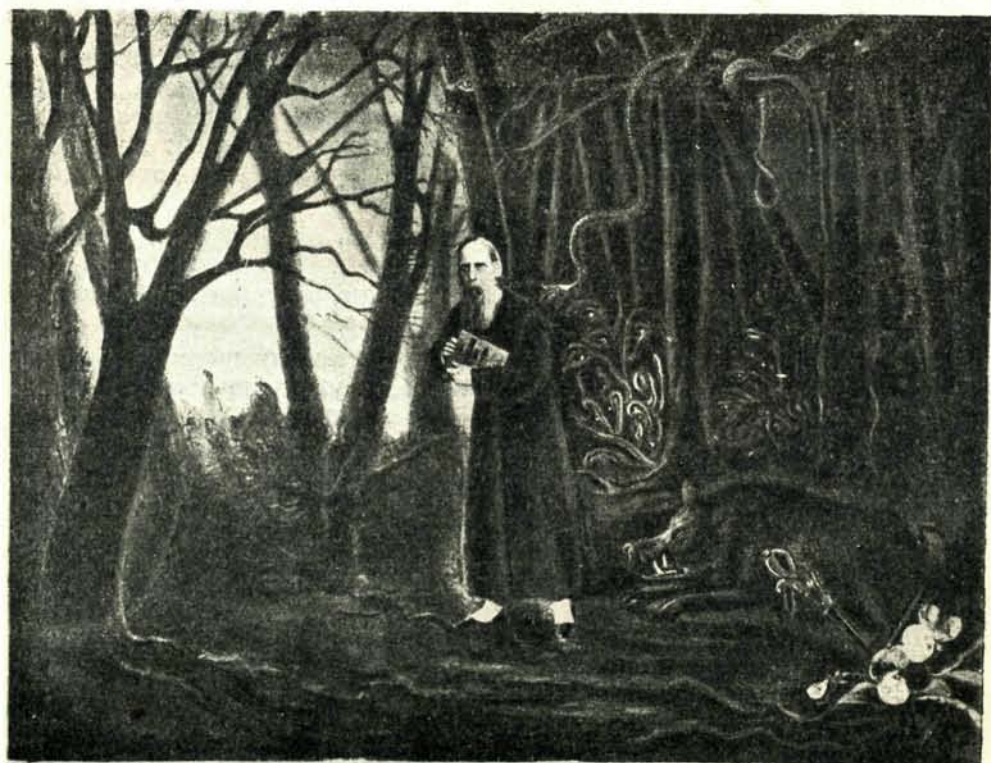
¹ Нельзя сказать, чтобы автор имел недостаток в фантазии; но, направление ее не столько полезно, сколько вредно. Посмотрим, что-то покажет нам дальше сей, кажется, слишком предприимчивый Младо-Сморчковский второй? С а п.

² Вот первый признак раскаянья! Дай-то бог, чтобы он принес вожденные плоды! С а п.

³ Увы! Таковых (то-есть плодов) не оказывается. С а п.

⁴ Автор забывает, что солдат, дабы получить отставку, должен прослужить двадцать пять лет. Какой же он мог иметь «вид отставного солдата», когда ему отроду было не более осьми лет? С а п.

⁵ Не мужество и проворство, а зверство и пагубная поспешность проливать кровь. С а п.

Тяжелый путь! Но вблизи часть разсвета Его лучем живительным согрета
И солнца блескъ зардётся в облаках Просветит жизнь и тьму разсветит в прах!

РЕДКАЯ КАРТИНА С ПОРТРЕТОМ ШЕДРИНА 80-х ГОДОВ.

Воспроизводится впервые по фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР

История картины рассказана одним из ее авторов — московским нотариусом Н. П. Орловым — в его воспоминаниях (журнал «Красное знамя», 1906 г., май, Париж, стр. 85—86, подпись Н. О.). Приводим относящиеся сюда строки: «За январскую, 1886 года книгу «Отечественных записок» — за статью Н. Я. Николадзе «Луи Блан и Гамбета» (и за двадцать вторую главу «Современной Идиллии» Салтыкова-Щедрина. — Ред.), дано было журналу предостережение. По этому поводу, я, при участии малоизвестного, но способного художника Д. Брыгалова, скомпоновал в Москве и издал «подпольно», в фотографических снимках, ходивших потом по рукам, — соответствующую картину... Щедрин, в его вишневом халате, изображен был на ней пробирающимся с потерпевшею книгой через темный лес, к просвету и спасающимся от преследующих его фантастических чудовищ...». В глубине леса, на облаченных сучьях которого наряду с «гадами» (олицетворение реакции) видны листки «Московских ведомостей», вырисовывается темный силуэт жандарма. На переднем плане изображена «торжествующая свинья» (тоже одно из олицетворений реакции в творчестве Салтыкова). Оформление картины сделано не без влияния традиционной композиции «Искушения святого Антония». Четверостишие под картиной принадлежит Н. П. Орлову.

Характерно отношение к «портрету» самого Салтыкова. Получив от автора специально для него сделанный снимок, он ответил Орлову следующим письмом:

«Крайне вам обязан за присылку картины, которая так сходственно и с обстоятельством дела согласно изображает существо вещицы. Такого сходного портрета я, во всяком случае, не имел и не видел. Что касается до обстановки, то, не имея ничего сказать против гадов, преследующих сзади, ни даже против просвета, который всегда как-то по штату полагается, я бы на месте художника, и по ту сторону просвета устроил встречу гадов. Ибо и это тоже по штату полагается. Вообще, это было бы полное изображение отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами и с прогрессом, в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника».

Насколько ценил сам Салтыков этот «портрет», показывают сохранившиеся еще три письма его, написанные в октябре 1887 г. в связи с утерей принадлежащих ему экземпляров. В них он обращается к своим друзьям с «крайней и слезной просьбой», о розысках и покупке для него утерянного «портрета», так как «нужно хоть что-нибудь настоящее сыну на память оставить» и очень гадко будет, ежели он не будет иметь этот «портрет»; см. «Письма Салтыкова», Гиз, 1925, № 285 и № 286, а также сборник «Русские Редомости» 1913, стр. 212.

В 80-х годах «портрет» этот, как указано, распространился подпольно по рукам в фотографических снимках.

В разбойничьем таборе сделалось достоверно известно, что через лес должно было проезжать с ревизии некоторое значительное лицо, обремененное добычею. Разбойники ждали с нетерпением и, разумеется, все свои надежды возлагали преимущественно на Туманова. И действительно, в девять часов пополудни, показалась вдали колымага, которую через силу тащила шестерня исправных лошадей: до такой степени она была нагружена сокровищами. Туманов, с несколькими молодцами, засел в канаву, и стал выжидать.

Окружить карету, взять лошадей под уздцы, связать руки кучерам и лакеям — все это было делом одной минуты. Но каково было удивление Туманова, когда, отворив дверцы кареты, он увидел там Младосморчковского первого и жену его!

Разумеется, его тоже сейчас же узнали и хотели высечь... Но он, чтобы отвратить от себя сей позор, рассказал ужасную повесть своих злодеяний.

При этом рассказе, волосы стали дыбом на убеленной сединой голове Младосморчковского первого, и слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его ¹.

— Так ты тот самый Туманов, который навел столь великий ужас на сердца обывателей? — спросил он, когда рассказ был кончен.

— Да; я Туманов.

— В таком случае, ты должен забыть, что ты мой сын; я же со своей стороны сделаю распоряжение об отдаче тебя в руки правосудия! Взять этого опасного разбойника!

И вот, Туманов, под прикрытием своей новой фамилии, был приведен в соседний город и сдан в острог.

Но он знал, что это не больше, как испытание, и что впереди его все-таки ожидает блестящая будущность ². Поэтому, он стал всемерно помышлять о том, чтобы избежать наказания за свои проказы ³; совершенно основательно рассуждая, что если он будет бит кнутом, да еще с наложением клейм, то вряд ли тогда приведется ему получить какое-либо место по административной части.

С этой целью, он начал ежечасно льстить смотрителю острога ⁴, а между своими товарищами-арестантами в скором времени получил такой авторитет, что, казалось, не было жертвы, которую они не согласились бы ему принести.

Между разнообразными дарованиями, которыми обладал Туманов, одно было в особенности поразительно. Это — проворство, с которым он производил всякого рода фокусы, и та особливая способность к гимнастическим упражнениям, которую он выказывал еще в нежном возрасте детства. Например: он свободно ходил на руках, мог продолжительное время стоять на голове, не встречая при этом препятствия к принятию пищи и питья; эскамотировал полуимперIALы и взамен их предлагал медную монету; глотал шпаги и, наконец, изобрел неистощимую мужицкую спину (впоследствии, фокусники, в подражание ему, устроили так называемую «неистощимую бутылку»). Одним сло-

¹ Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх. С а п.

² Любопытно было бы объяснить, на каких похвалы достойных поступках было основано сие предвидение? С а п.

³ Изрядные показы. С а п.

⁴ Ужели же, наконец, и лезть и все прочие пороки ада свили себе гнездо в сей невинной душе? Страшно подумать! С а п.

вом, делал все, что доброму и прилежному фокуснику делать надлежит¹.

Воспользовавшись этой своей способностью, он замыслил весьма обширный план. Он исподволь начал знакомить зрителя острога с зрелищем своих фокусов, и, видя, что оные весьма пришлись ему по нраву, усугубил ловкость и наконец испросил разрешение устраивать представления в более обширных размерах. Вскоре, слава о зрелищах, даваемых в тюрьме, проникла во все закоулки города, так что всякому стало лестно взглянуть на них. Градоначальники, военачальники, участковые, околадочные — словом сказать, вся палата и воинство собирались к нам, как на праздник, посмотреть на наши затеи.

Этого только и надо было Туманову.

В Егорьев день были именины зрителя острога, и по этому случаю арестантами в секрете, но не без того, однакож, чтобы он о сем не знал, приготовлялся ему сюрприз. Сюрприз был изобретен Тумановым и состоял в том, что сорок три человека должны были представить из себя семярусную движущуюся пирамиду. В основании должно было стоять двенадцать самых сильных арестантов, у них на головах — десять, потом — восемь, шесть и т. д. Пирамиду увенчивал сам Туманов, который на этой ужасной высоте обязывался показать чудеса проворства и ловкости. Представление положено было сделать во дворе острога, обнесенном со всех сторон каменною стеной четырехсаженной высоты; пирамида должна была отправиться от наружной стены замка, пройти через весь двор и подойти к той части ограды, которая выходила в поле.

Наступил давно ожидаемый день и, когда, после обеда, при собрании всех градоначальников и военачальников, живая пирамида двинулась, то нельзя изобразить тот восторг, который охватил сердца сих невинных людей, при виде этого зрелища! Пирамида подвигалась медленно, и Туманову не раз, впродолжение этого шествия, приходило на мысль, сколь непрочны человеческие предприятия вообще, и как мало нужно, чтобы и его собственное столь зрело обдуманное предприятие рассеялось, как дым! Достаточно было одного неловкого движения!... Однако, с божьей помощью, дело окончилось, как нельзя лучше. Едва, при взрыве восторженных рукоплесканий, пирамида успела приблизиться к наружной ограде тюрьмы, как Туманов ловким скачком спрыгнул с вершины, и в одно мгновение ока очутился по ту сторону тюрьмы. Все это произошло столь быстро и неожиданно, что зрители несколько времени не понимали, думая, что это не больше, как продолжение того же представления...².

Не будем говорить о чувствах благодарности к Творцу, которые переполняли в эту минуту душу Туманова!³.

После этого мы уже застаем Туманова министром: сначала в не очень большом государстве, куда он был помещен в виде опыта, а потом в государстве более обширном⁴. Сделавши его министром,

¹ И что не надлежит делать сыну действительного статского советника. С а п.

² Весь этот хитроумный рассказ о Туманове заимствован автором из сочинений С. В. Максимова. Едва ли это не плагиат. С а п.

³ Что хочет сказать автор этими без пути наставленными точками? Уж не то ли, что цензура ему в сем месте попрепятствовала? С а п.

⁴ Желательно бы знать, в каком это «не очень большом государстве» занял Младосморчковский место министра? Да и ни в каком самом маленьком государстве не могло это быть, потому что везде и своих Младосморчковских довольно. Конечно, допускаются иногда исключения, но для сего надобно было бы доказать, что Младосморчковский немецкого происхождения, в чем сильно сомневаюсь. С а п.

ему подчинили всех прочих министров, и он по прежнему принял фамилию Младо-Сморчковского, с тою только разницей, что назывался теперь уже не вторым, а первым, так как старший Младо-Сморчковский успел в это время скончаться, оплаканный своими подчиненными.

Каким образом совершилось это новое превращение в жизни Младо-Сморчковского первого — теперь открыть еще не время. Но можно сказать одно: он успел оказать начальству некоторые важные услуги ¹.

Не станем описывать здесь мрачную ² картину административной деятельности Младо-Сморчковского первого. Многих он сменил, многих отдал под суд, а меры его по взысканию недоимок снискали удивление целого мира ³. В течение первых двух суток, по каждому отдельному предмету им было выпущено не менее двух предписаний и не меньше как по одному рапорту, а так как предметов было великое множество, то предоставляется читателю самому исчислить, какова была громадность сего предприятия. Впоследствии, сами начальники неоднократно сказывали, что содрогались, когда приходила почта, приносившая его виды и предположения ⁴.

Изложим, однакож, хотя вкратце некоторые замечательнейшие действия Младо-Сморчковского первого на занимаемом им посту.

В о п е р в ы х, сочинил статистику, причем оказалось против прежнего всего вдвое и втрое ⁵.

В о в т о р ы х, усилил производительность, а вместе с тем и источники народного благосостояния, неуклонно наказывая нерадивых и через то поселения в них охоту к труду.

В т р е т ь и х, увеличил доходы, открыв для них новый источник в неистощимой мужицкой спине ⁶.

В ч е т в е р т ы х, обеспечил народное продовольствие, наблюдая, дабы обыватели отнюдь не потребляли сверх действительной надобности, и все излишки, не разбрасывая и не расточая, сберегали на предбудущие времена.

В п я т ы х, обеспечил народное здравие, предложив кому следует наблюсти, дабы обыватели не изнуляли себя непосильными трудами, и всегда имели неприхотливую, но вкусную, здоровую и обильную пищу ⁷.

В ш е с т ы х, улучшил пути сообщения, не довольствуясь дорогами, известными и существующими, но бесстрашно пролагая пути даже там, куда до того времени не заходила нога человеческая ⁸.

В с е д ь м ы х, обуздал некоторые пороки и суеверия ⁹.

В о с ь м ы х, обуздал газетчиков и писателей ¹⁰.

¹ Хорошо кабы так; но опасаясь, что во всем сем нет ни капли правды. С а п.

² Кажется, что здесь прилагательное «мрачная» употреблено только для красоты слога. С а п.

³ Не слышать. С а п.

⁴ Вот и видно, что выдумка. Какие могут быть у министра начальники, с которыми бы он переписывался по почте? Видно, разбойник-то где ни на есть кварталным надзирателем определен (и то, чай, в немудром каком городе), а сам возмечтал, что он министр! С а п.

⁵ А что он с сими излишками сделал? С а п.

⁶ Сей источник весьма не нов. С а п.

⁷ Satur venter, on studet libenter. С а п.

⁸ Не всегда полезно. С а п.

⁹ Надо поименовать, какие; в противном случае, можно подумать, что все сие одне хвастовство. С а п.

¹⁰ При нынешней распушенности, весьма нелишнее. С а п.

В девятых, обуздal дух своеволия, а поборников устности и гласности разослал по городам ¹.

В десятых, обуздal лжеучения. Узнав, что в одном городе существует вредная секта нигилистов, собрал последователей оной и предложил им оставить свои заблуждения. Что ими и было в точности выполнено ².

В одиннадцатых, обуздal неплательщиков, организовав строгое и пространное наблюдение, дабы ни один обыватель не смел ничего ни продать, ни подарить, ни иным образом отчуждить, не испросив предварительно разрешения ближайшего начальства ³.

В двенадцатых, обуздal невежество, назначив краткие сроки для приобретения полезных знаний ⁴.

В тринадцатых, обуздal безнравственность.

В четырнадцатых, вообще обуздal обывателей.

Конечно, в этом кратком перечне не поименовано и сотой доли тех действий, которые были предприняты Младо-Сморчковским первым в видах всеобщего удовольствия, но, кажется, и этого достаточно, чтобы показать, что время его не проходило в праздности. Не надобно забывать, что, кроме того, он был ежедневно обязан:

1) по утрам — делать выговоры и замечания подчиненным, которые, без таких напоминаний, могли совсем опустить руки;

2) по вечерам — производить прогулки и являться на общественных гуляньях, дабы личным примером поощрить обывателей к содружеству и невоспрещаемому законами препровождению времени.

Так что, по собственному его выражению, он целые дни кипел, как в котле.

Таковы были общие черты деятельности Младо-Сморчковского первого. Но было еще одно особенное действие, которое нелишне будет изложить здесь с большею против других подробностью.

Обыватели некоторой местности издавна довольно славилась тем, что не платили лежащих на них повинностей. Вследствие сего, Младо-Сморчковский первый неоднократно ходил против бунтовщиков походом ⁵.

При помощи непоколебимой твердости духа, споспешествуемой продажей скота и пожитков, недоимка была столь быстро пополнена, что, повидимому, не оставалось ничего больше желать. Как вдруг, до сведения Младо-Сморчковского первого дошло, что обыватели означенной местности, вследствие якобы крайнего разорения от беспре- станных продаж, оставили земледелие и начали заниматься ремеслами,

¹ Намерение доброе, но успех сомнительный. Разрушительность сих двух стихий столь велика и, так сказать, в'едчива, что для действия против нее едва ли достаточно мер строгости и скорости, которыми располагал автор. В тех иных городах, куда автор рассылал поборников устности и гласности, разве они были лишены возможности продолжать свое бесстыдство? Нет, тут надо придумать иную меру, какую еще не знаю, но, казалось, было бы не весьма дурным, если вообще было признано относительно лиц сей категории, что города и селения в самом принципе для них не существуют. Если это будет принято, тогда невольно их будут водворять среди степей, вдали от человеческих жилищ. Впрочем, это только одно предположение. С а п.

² Не для вида ли только? С а п.

³ Мысль смелая, но едва ли исполнимая, ибо подобная мера может иметь последствием контрабанду в весьма обширных размерах. С а п.

⁴ Так; но были ли сии знания приобретены? С а п.

⁵ Явное и непростительное смещение всех атрибутов власти. Министры никогда не «скажут походом». На это есть губернаторы и исправники; министры же сидят дома, принимают доклады и по временам ездят в гости. Где же пресловутое знакомство Младо-Сморчковского первого с формами и обрядами делопроизводства, знакомство, столь наскромно выставляемое им на вид? С а п.

вовсе не свойственными обывательскому быту. Удостоверившись в справедливости этого слуха, и приняв во внимание: а) что Россия есть государство, по преимуществу, возделывающее землю; б) что с упадком земледелия, земли постепенно грубеют и делаются неспособными к произрастанию чего-либо иного, кроме сорных трав; и в) что с тем вместе приходят в упадок: народное продовольствие, народное здравие, народное богатство и самая народная нравственность, — Младосморчковский первый постановил: восстановить земледелие в упомянутой выше местности в его прежнем величии, хотя бы даже в сих видах потребовалось употребить меры строгости.

Прибыв в селение с достаточною командой ¹, он, дабы не обескуражить обывателей сразу, предварительно предложил им вопрос: почему они оставили свойственное им занятие? И получив в ответ, что оставили потому, что, за распродажею принадлежащего им скота, стало им нечем называть землю, нашел такой ответ нерезонным ². Тогда произошел следующий замечательный разговор:

— Ну, а если я прикажу вам сегодня же, сейчас же, сию минуту вспахать и заборонить принадлежащие вам земельные участки? — спросил Младосморчковский первый, прилично возвысивши голос.

— Воля твоего благородия, а мы не можем!

— Точно не можете?

— Так точно, ваше благородие!

— Жаль-с. Очень жаль-с. Окольные люди! Исполняйте ваши обязанности!

Начали исполнять. Со стесненным сердцем смотрел Младосморчковский первый на сие зрелище, но делать было нечего, потому что надлежало пресечь зло сразу и в самом корне. И действительно, через полчаса было уже доложено, что обыватели, запрягши лошадей в сохи, выехали в поле ³.

Но этим дело не кончилось. Как только выехал Младосморчковский первый в обратный путь, так тотчас же принялись обыватели за прежнее своеволие. Надлежало вновь объявлять поход и новыми мерами строгости вразумлять сопротивляющихся. Так продолжалось до трех раз, пока, наконец, поля не были окончательно вспаханы, заборонены и засеяны, под надзором десятских и сотских. И таким образом было торжественно восстановлено нарушенное послушниками земледелие ⁴.

Такая неусыпная деятельность обратила общее внимание на Младосморчковского первого. Много было у него врагов и завистников, но всех он преодолел, ибо дела его громко говорили сами за себя. Обремененный почестями и знаками общественного доверия, он жил до глубокой старости, успев, в течение этого времени, вступить в законный брак с княжною Великосветскою, и прижив от нее двенадцать дочерей и ни одного сына ⁵. Каждой из них он дал в приданое по двести тысяч, что показывает, что капитал у него был немаловажный.

¹ Опять-таки, не министрово это дело. С а п.

² Ответ можно назвать строптивым, но нерезонности в нем нет. С а п.

³ А выше было сказано, что весь скот распродан. Откуда же вдруг взялись лошади? С а п.

⁴ О сей истории не знаю, что и сказать, по той причине, что результатов не показано. Какую пользу принесло земледелие, лишенное удобрения и произведенное с помощью лошадей неизвестного происхождения? Кажется, что польза сомнительна. Не лучше ли было бы, землю отобрав, отдать ее опытным и благонамеренным помещикам, а нерадивых определить к ним в качестве работников? Предлагаю это разрешение вопроса вниманию автора. С а п.

⁵ Не рано ли о сем помышлять? С а п.

В «Российской родословной книге», составленной кн. Петром Долгоруковым, значится:

Младо-Сморчковский, Григорий Иванович, был министром в двух государствах; женат на княжне Евдокии Федоровне Велико-светской. У них:

1) Евдокия Григорьевна — в замужестве за камер-юнкером Монсом.

2) Анна Григорьевна — в замужестве за кавалером индустрии¹ Сан-Фуа-ни-Луа.

3) Прасковья Григорьевна — в замужестве за герцогом курляндским Бироном.

4) Наталья Григорьевна — в замужестве за графом Кириллою Разумовским.

5) Евпраксия Григорьевна — замужем за бывшим польским королем Понятовским.

6) Екатерина Григорьевна — в замужестве за светлейшим князем Потемкиным-Таврическим.

7) Любовь Григорьевна — в замужестве за графом Дмитриевым-Мамоновым.

8) Юлия Григорьевна — в замужестве за свирепым временщиком графом Аракчеевым; судилась за жестокое обращение с крепкими людьми.

9) Мария Григорьевна — вышла по любви за акцизного офицера, но, несмотря на скромную долю, была весьма счастлива и имела множество детей.

10) Ольга Григорьевна — в замужестве за блестящим французским посланником, герцогом Морни.

11) Надежда Григорьевна — совратилась в католицизм, отравив сердца родителей. Имела впоследствии огромное влияние на испанскую королеву Изабеллу, под именем сестры Патросинии. Погубив Изабеллу, бежала из Мадрида с уланом и была поймана в Баль-Мабиле.

и 12) Клавдия Григорьевна — в девицах; жила процентами с своего капитала.

В 18** году, Младо-Сморчковский первый скончался, оплаканный многочисленным потомством, знакомыми и подчиненными. Когда тело его, заключенное в богато убранный гроб, было выносимо из дома, то многие из директоров департаментов плакали. Вскоре за ним, не могши перенести разлуку, последовала в могилу и любезная супруга его.

Мир праху твоему, добрый служака!

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА Сие СОЧИНЕНИЕ

Сочинение сие замечательно тем, что вносит в административную практику весьма предосудительный прецедент. А именно: позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, можно современем сделаться администратором. Неслыханное это нововведение тем опаснее, что самое сочинение написано слогом правильным и заманчивым, а следовательно может найти довольное количество легкомысленных последователей и прозелитов.

Это первое. Но можно сказать еще нечто, не вполне похвальное и о полете фантазии авторской.

¹ Не слишком же завидную партию сделала сия воображаемая Анна Григорьевна. Сап.

Полет фантазии, конечно, служит украшением для всякого словесного упражнения, и пределы ему в этом случае указать довольно трудно. Чем больше риторических украшений, тем больше неожиданностей, а чем больше неожиданностей, тем сильнее возбуждается удовольствие. Это бесспорно. Но дело не в границах полета фантазии, а в его характере. Если характер полета возвышенный, то пределы ему даже полагать было бы безрассудно. Так, например, известный наш ветеран и поэт, Ф. Н. Глинка, в своей поэме «Капля», бог знает чего не написал, но никто сему никогда не удивлялся, потому что полет автора имел характер возвышенный. Точно тоже и Державин.

Ступит на горы — горы трещат!

Станет на воды — воды кипят!

сказал он, и хотя в сем поступке воспеваемого им героя не видится никакого вероятия, тем не менее полет фантазии все-таки прекрасен, ибо возвышен. Совсем иное дело, если авторский полет имеет в предмете действия обыкновенные, так сказать средние. В этом случае, оный хотя и не неуместен, но должен до некоторой степени подчиниться правилам, предписываемым правдоподобием.

В сем отношении, разбираемое сочинение весьма подлежит критике. Автор, очевидно, хотел изумить читателей разнообразием выдумок, но, взявши для них основанием дела самые простые, и не удержавшись притом в границах правдоподобия, весьма своей затее повредил.

Не говорю уже о том, что должности разбойника и администратора не токмо не однородны, но даже и по внешнему своему выражению весьма различны; не говорю и о других невероятных выдумках, как, например, о каком-то «не очень большом государстве» и проч. Все это само говорит за себя. Но обращаю внимание автора на список дочерей, который он привел в конце своего сочинения. Независимо от того, что возможность иметь двенадцать дочерей (почему не сыновей? из них, по крайней мере, могли бы выйти полезные слуги!) дана не всякому; но, предположив даже, что это подлинно так было, спрашивается: каких супругов автор определил к своим дочерям? Впервые, некоторых таких, о которых достоверно известно, что они совсем в браке не состояли, и, во вторых, таких, которые хотя и состояли в браке, но с девицами других фамилий, о чем, конечно, и «Российская родословная книга» князя Долгорукого не умалчивает. К чему же может привести столь грубый обман? Не к тому ли естественному последствию, что читатель, наскучив непрерывным несогласием написанного с тем, что ему достоверно известно, и все прочее причтет к такому же обману, не воспользовавшись даже теми чертами, которые вполне несомненны и истинны.

Пушкин сказал:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Это так; но нужно прежде всего разрешить себе: когда обман возвышает? А вот когда: тогда, когда его нельзя обличить, или, по крайней мере, когда этому обличению полагают пределы некоторые мероприятия и распоряжения. При этом условии, обман не только в совершенстве заменяет истину, но даже принимает ее название и для отличия от истины настоящей (для всех очевидной и потому низкой) называется истиной высокой. Но можно ли сказать что-либо подобное о тех вымыслах, которыми наполнено разбираемое сочинение? Позволительно ли, например, допустить, чтобы кого-нибудь возвысил или утешил, или возбудил в ком-нибудь жажду подвигов такой обман,

Годом, и в том же году, и в том же году
и в том же году.

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Е. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

Л. 100. 100

как причисление Младо-Сморчковского первого себя в родню герцогу Морни? Нет, допустить этого ни под каким видом нельзя, ибо брак герцога Морни у всех на памяти, и следовательно рассчитанная на сей случай спекуляция есть предприятие, не весьма надежное.

В заключение, рекомендую автору обратить особое внимание на те примечания, писанные на полях его сочинения, в которых порицается непочтительность его к родителям. Знаю, что в новейших руководствах поименовывается некоторый авторский прием, называемый объективностью, и что молодой автор может, пользуясь сим, сделать изворот, и сказать, что он в этом случае был объективен и покорялся духу времени. Но не мешало бы, чтобы на сей раз самая объективность явилась более субъективною, то есть согласовалась с теми правилами, которые внушались автору любезною его родительницею.

Сапиентов.

II. ДОБРЫЙ СЛУЖАКА

(Сочинение 12-летнего Сережи Младо-Сморчковского)

Не помню, когда я родился; знаю только, что в это время отечество было в опасности. Папаша вздыхал, мамаша плакала и говорила: «Вот попомните мое слово, что эти господа (она разумела здесь: Новосильцева, Строгонова, Чарторыйского и Сперанского¹, то есть известный в то время Comité du salut public) сведут Россию в бездну гибели!» И действительно, скоро сделалось известным, что над папашей назначена строжайшая сенаторская ревизия.

Трудно передать здесь все бедствия, которые испытали по этому случаю мои почтеннейшие родители; довольно будет, если я скажу, что папаша должен был уделить значительную часть из собранной прежде добычи, чтоб удовлетворить духу времени. А дух был, поистине, ужаснейший. Все требовали конституций, все хвалились мятежными нравами, все говорили о каких-то правах, и никто не мог достоверно объяснить, что именно означают сии новые для нас выражения. Это был модный разговор, за который в то время не только не наказывали, но даже награждали хорошими и доходными местами. Одним словом, все ходили ощупью, ища конституций и не находя их.

Я знал, например, одного полковника, который об этом предмете знал не больше других, но получил генеральский чин и прекрасное место по комиссариатской части за то только, что в одном рапорте ввернул² следующую фразу: «обуреваемый духом свободы, вверенный мне батальон жаждет сразиться с врагами оной». По этому одному примеру можно судить и о прочем.

Наконец, однако, здравая политика восторжествовала. Папашу не только оставили на прежнем месте, но еще похвалили, а к либералу-полковнику (которого перед тем, за мятежный дух, произвели в генералы) пришел от графа Аракчеева запрос: приносит ли он чистосердечное раскаяние³? Разумеется, он поспешил в трогательных выражениях ответить, что вперед не будет, и дело было покончено только тем, что его несколько раз обошли чином. Все радовались и лико-

¹ Сей один был всему злу корень; он опутал своими сетями прочих невинных. Сап.

² Тривиально. Сап.

³ Граф Аракчеев никогда, никого и ни о чем не спрашивал, а прямо воздавал кому что надлежит. Сап.

вали (а во главе всех и преступный полковник), как бы праздная победу над внутренним врагом¹.

Этот возврат к началам здоровой политики чудесным образом совпал с вступлением моим в зрелый возраст.

Еще будучи ребенком, я высказывал довольно замечательные наклонности. Я любил следить за направлением умов, охотно, под видом игры, прислушивался к разговорам в девичьей и на кухне, а так как это занятие требует весьма прилежного выведывания, то можно сказать смело, что времяпровождение мое было самое разнообразное. Решившись что-нибудь вызнать, я обыкновенно принимал вид весьма простосердечный и невинный, а нередко даже представлял из себя человека с возвышенными чувствами. Вскоре, я так хорошо успел в этом искусстве, что не только посторонние, но даже иногда я сам не мог отличить, когда я лгу, и когда говорю правду². Этим путем я приобрел множество самых разнообразных сведений, и когда примечал, что можно сделать из них небесполезное употребление, то охотно делился своими наблюдениями с старшими..

К такому раскрытию истины меня побуждало еще и то, что за всякую открытую мною истину мне давали или сладкий пирожок, или конфекту, а когда я однажды открыл в девичьей весьма важный заговор³, то мне сделали даже новую курточку. Впоследствии, эта откровенность моя сделалась столь известною, что меня нигде иначе не называли, как откровенным ребенком, а многие начали даже опасаться моего слишком открытого нрава.

И вот однажды (когда я уже пришел в зрелый возраст), к мамаше приехал генерал, весь вышитый золотом, и потребовал секретной аудиенции. Разумеется, как только они скрылись в соседней комнате, я сейчас же приложил ухо к дверной скважине, и услышал следующий разговор⁴.

— Сударыня! — говорил вышитый золотом генерал: — до сведения моего дошло, что у вас есть сын замечательной любознательности и удивительно откровенного характера?

— Да, генерал, — отвечала мамаша: — могу сказать, что бог именно благословил меня в этом ребенке!

— Если все, что про него рассказывают, справедливо, то это будет совершенная находка! Можете себе вообразить, как обрадуется наш князь!

— Не смею хвастаться, но думаю, что это действительно замечательный юноша. Например, я вполне уверена, что он даже в настоящую минуту подслушивает нас!

— Не может быть!

— Попробуйте убедиться! Но предупреждаю вас, генерал, что вряд ли вы уличите его, потому что он мастерски умеет хоронить концы в воду!

Послышалось осторожное движение стульями и потом шаги. Я, разумеется, тотчас же отпрянул, и когда дверь внезапно отворилась, то

¹ Сии враги, кажется слишком большую роль в семействе Младо-Сморчковых играют. С а п.

² Не знаю, что и сказать о сей способности. Посмотрим, какое ей будет дано употребление. С а п.

³ В чем состоял сей заговор? Желаю знать. С а п.

⁴ Зачем? Позволительно и даже полезно прислушиваться в речах преступным, но нельзя было предположить, чтобы таковой характер имел разговор любезнейшей родительницы автора с почтенным генералом. В сем случае, подслушивание составляет уже дурную привычку. С а п.

я уже с беспечным видом прохаживался по зале, насвистывая какую-то песенку. Генерал улыбнулся, покачал головой и пробормотал:

— Изумительно!!

— Я вижу, сударыня, — продолжал он к сияющей счастьем мамаше: — что дальше скрываться от этого юноши было бы бесполезно. — И так, приступим к делу прямо. В непродолжительном времени, в каждой из наших провинций предполагается поместить по одному откровенному ребенку... Друг мой! Отвечай мне искренно, согласен ли ты принять на себя звание откровенного ребенка в П*?

— Согласен, отвечал я: — но с одним условием.

— С каким же?

— Чтобы откровенность моя была сокровенною.

— Ты угадал мою мысль! И так, по рукам! Поезжай с богом! Вот тебе на дорогу деньги; посылай сейчас же за лошадьми, и скачи! Ибо враги не дремлют!

Сказано—сделано. Я обнял рыдающую мать, перецаловал братьев и сестер, и поскакал.

Таким образом, было положено начало тем блестящим успехам, которые ожидали меня в будущем.

Еще дорогой я успел нечто наблюсти. Так, например, на одной станции, зритель открыто выражал недовольство правительством за дожди, которые в то время размыли дорогу, и делали переезды весьма трудными. На другой станции, встретился мне вольнодумный ямщик, певший романс профессора Мерзлякова:

Я лиру томно строю
Петь скорбь, об'явшу дух,
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг! ¹

Разумеется, все эти наблюдения были записаны мною на особой бумажке.

Приехавши в П**, я немедленно приступил к делу, то-есть начал стороной выведывать, в каких отношениях находится губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготовляют чиновники контрольные и проч. и проч. Полученные результаты были весьма для меня неожиданны. Оказалось, что губернатор и губернский предводитель дворянства живут душа в душу и угощают друг друга обедами, что акцизные чиновники, не помышляя о пропаганде либеральных идей, мирно пользуются присвоенными им окладами, контрольные же чиновники, под словом «конституция», разумеют первые четыре правила арифметики.

Вообще, эта губерния весьма необыкновенная. Как только в'езжаешь в границы ее, как уже чувствуешь, что пахнет с'естными припасами, и слышишь кругом раздающееся чавканье. Все ест, или отдыхает от еды, или вновь об еде помышляет. Всякое сословие лакомится свойственными ему лакомствами. Рогатый скот изобильно откармливается бардою и дурандою; мужики (в урожайные годы) едят хлеб и по праздникам саломату с маслом; купцы и мешане пристрастны к пирогам; дворяне насыщаются говядиной, телятиной и поросятами, пьют квас, водку и наливки; духовные лица находят утешение в рыбе; чиновники ко всему изложенному выше прибавляют трюфли и тон-

¹ Романсы профессора Мерзлякова приятны и располагают к чувствительности, вольнодумства в них нет. Впрочем, приведенный выше романс принадлежит совсем не Мерзлякову, а Капнисту. С а п.

кие французские вина. Результаты такого социального устройства угадать нетрудно; это спертость в воздухе, осовелость в обывательских глазах и не совсем большая прочность семейных уз.

Это последнее обстоятельство было очень важно, ибо воспользовавшись им умненько, я мог вывести заключение «о непризнании брачного союза». Такие находки делаются не каждый день. Я начал вникать и исследовать.

Анализируя день обывателя час за часом, я открыл, что он распределяется следующим образом. В восемь часов пробуждение, и затем, до девяти, чай с булками, маслом и вчерашним жарким; нередко, однако же не каждодневно — умывание. От девяти до одиннадцати, домашние исправительные наказания, прогулка по комнатам, посвистывание, хлопанье себя по бедрам и так называемая еда походя с прикладыванием к графинчику. В одиннадцать часов, настоящий завтрак с водкой, причем с'едается какое-нибудь мелкое животное или большая птица. От двенадцати до трех визиты, или лучше сказать, непрерывное закусывание в разных домах. В три — обед с водкою и наливкой, а у чиновников и с французским вином; причем с'едается несколько больших и малых животных и в соразмерности рыб и птиц. В четыре часа — осовение, продолжающееся до шести и прерываемое употреблением впросонках квасу. В шесть — тоска, излечиваемая рюмкой водки. От семи до осьми, чай с булками и давишним жарким. В восемь — игра в карты, а так как, в той же комнате, на особом столе, всегда находится приготовленная закуска, то пользование и ею. В одиннадцать — ужин, и затем сон.

Но где и как проводит ночь обыватель?

Исследуя этот вопрос, я удостоверился, что он спит не дома, а там, где застанет его прихотливый вкус. Я заводил с обывателями разговоры, старался вызнать, случайно ли вкоренилась между ними столь неряшливая привычка, и не видится ли тут влияния разрушительных противосемейственных доктрин?.. Но оказалось, что о семейном союзе они рассуждают не только здраво, но по временам даже чувствительно!! Что же я узнал? Что — все эти ихние поступки не от чего другого происходят, как от простосердечной небрежности в различении своих логовищ от чужих! Что всему причина не философия, а еда и большое употребление горячих напитков ¹.

Такое открытие не могло не огорчить меня ². Я ждал весьма много неожиданностей, а встретил мирный сон обывателей, сопровождаемый постепенным питанием! Я ждал сокровенных мыслей и недозволенных начальством мечтаний, а увидел, что самые глаза сих людей протестуют против всякой мысли о каких-либо мечтаниях ³.

Немного найдется таких, кому известно, как трудны, а подчас и несносны занятия, сопряженные с званием Откровенного Ребенка. Ходить дни и ночи в слякоти, под дождем и снегом; не без опасности прислушиваться у дверей и скважин; заводить знакомство с кучерами, кухарками и прочей прислугой; стараться разгадать смысл вся-

¹ Принимая во внимание юный возраст автора, казалось бы, что исследования сего рода для него преждевременны. С а п.

² Не огорчить, а утешить оно должно было, потому что в том много есть утешительного, если люди хотя и довольно дурно поступают, но не по злонамеренности, а от душевной простоты. С а п.

³ Если автор надеялся за свои открытия получить награду, то огорчение его понятно. Но, в таком случае, он должен был перепроситься в другую губернию, где мечтателей в изобилии. Во всяком разе, желать насаждения мечтательности в таких губерниях и уездах, где ее нет, едва ли согласно с правилами той здравой политики, о которой упоминается в начале сочинения. С а п.

кого шороха, уловить всякое движение, остановить на лету всякую мысль, осуществить всякое слово — никто, конечно, не скажет, чтобы такая задача была по силам каждому! Но что, бесспорно, всего труднее — это прикидываться либералом. Если даже в чужих устах мятежное слово уже кажется достойным примечания, то в устах своих собственных оно просто на просто изумляет и приводит в страх. Слышишь себя проповедующим разрушительные идеи, и не веришь ушам своим. В ту минуту, когда бьешь себя в грудь, и с налитыми кровью глазами (необходимая принадлежность всякой разрушительности) доказываешь пользу революций, — в эту минуту, говорю я, готов сам на себя написать извещение, сам готов понести заслуженное за дерзость наказание! Да; не дай бог даже врагу испытывать подобные, единственные в своем роде минуты! ¹.

Вообще, о либеральном яде скажу, что он до крайности в'едчив. Иногда начинаешь защищать его довольно притворно, но, постепенно, разгораясь, вдругходишь в такой неожиданный восторг, что мысли, не признавая над собой никакой власти, начинают как бы кружиться и рассыпаться по всей голове. Не знаешь, где ложь и где правда; хочешь замолчать — и все говоришь; хочешь сказать такое-то слово — а выходит совсем другое. И если такая практика случается часто, и притом не обладаешь достаточно твердыми правилами, то не успеешь и оглянуться, как впадешь в нигилизм. Примеры таковых падений бывали, и довольно нередкие. Я знал одного полковника, который долгое время притворно бил себя в грудь, а кончил тем, что прекратил веру в бессмертие души. Другой подобный же случай был с одним генералом: этот первоначально с весьма похвальной целью начал прочитывать либеральные сочинения, а, под конец, наострился так, что сам стал довольно порядочно (по ихнему) доказывать пользу вредных наук.

Но я не отчаивался и выжидал. В это время дошло до моего сведения, что в городе П** образовалась довольно опасная секта, носившая странное название «оглашенных недорослей». Устроив наскоро обсервационный пункт, я открыл, что кодекс этой секты состоял из нижеследующих двух пунктов: 1) считать себя от наук независимыми, и убеждений не иметь, и 2) стремиться и достигать. В состав секты принимались преимущественно молодые люди с бесстыжим характером, которые собирались по ночам и предавались необузданной пляске, прерывая ее криком: «фить!»

Я был поставлен в самое фальшивое положение.

Как смотреть на нежелание учиться? Полезно оно или вредно? — на этот счет я никаких указаний не имел. Я знал, конечно, что науки разделяются на полезные и вредные ², но знал также, что науки, во всяком случае, существуют, и что часть их не без пользы преподается даже в казенных заведениях. И вдруг — ни одной! Несколько раз я призывал господ сектаторов к себе, пробовал усовершенствовать и увещевать, но всегда без пользы. Бесстыжие молодые люди со своей стороны небезосновательно ³ возражали, что, если одну науку признать, то необходимо будет признать и прочие.

¹ Весьма похвально. С а п.

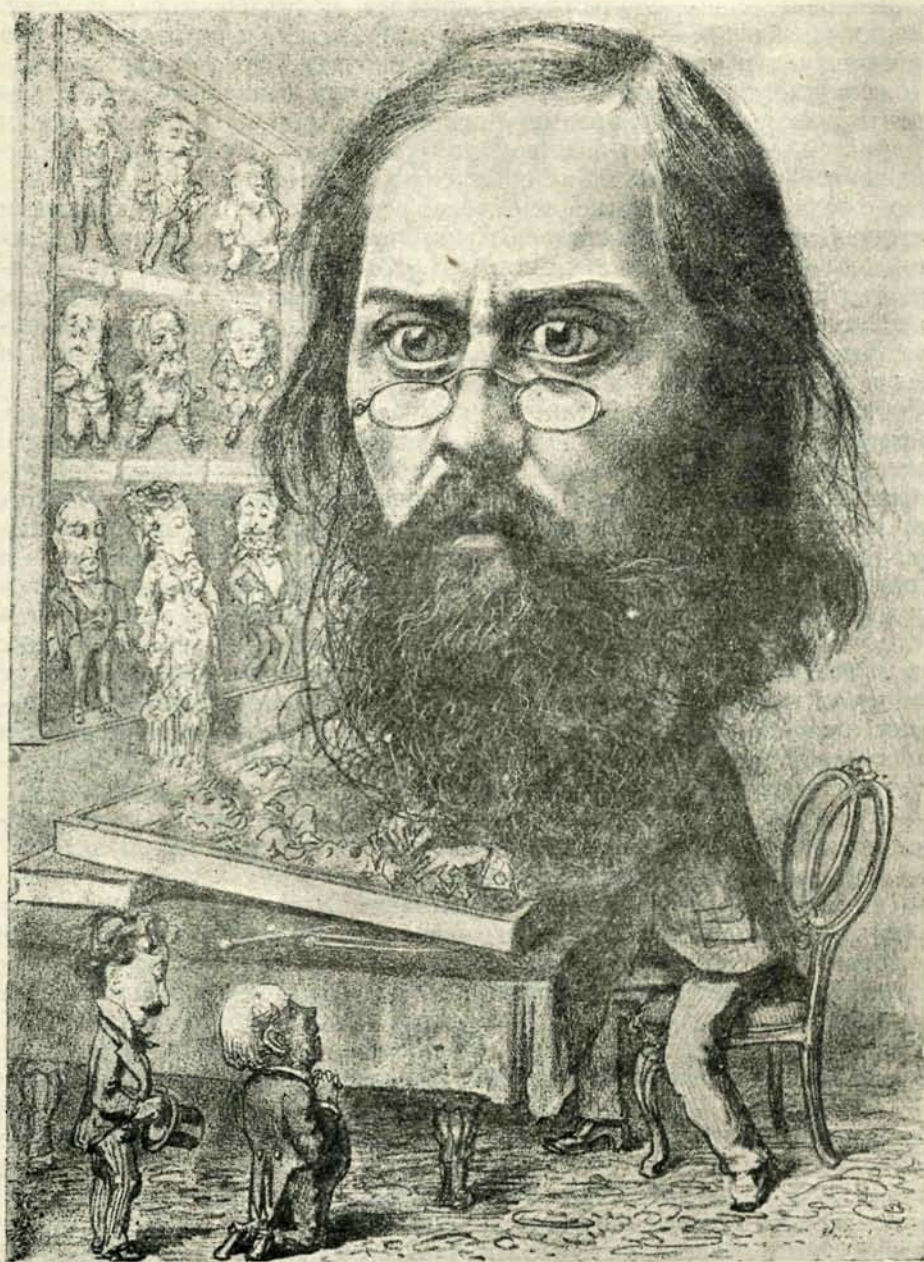
² Желательно было бы, чтобы автор подробнее указал основания такого деления наук. С а п.

³ Никак нельзя этого сказать, ибо:

Науки юношей питают,

Надежду старцам подают.

Все дело состоит лишь в том, чтобы с расчетом определить способы питания, дабы молодое древо не могло пойти в сук. С а п.

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых
А. С. Пушкин.

КАРИКАТУРА А. И. ЛЕБЕДЕВА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ САЛТЫКОВА
НАТУРАЛИСТОМ, НАКАЛЫВАЮЩИМ НА БУЛАВКИ КОЛЛЕКЦИЮ
НАСЕКОМЫХ — ЧИНОРНИКОВ

Воспроизводится по изданию «Карикатурный альбом современных русских деятелей»
изд. журнала «Стрекоза», 1877 г.

То же самое и относительно убеждений. Я знал, что существуют убеждения полезные и убеждения вредные, но чтобы могло не быть никаких убеждений — того не знал. Тем не менее, и по этому случаю я усовещевал и увещевал, но получил в ответ, что так как каждый человек свое убеждение непременно считает полезным, то, дабы прекратить всякие по сему предмету пререкания, обществом оглашенных недорослей определено: все вообще убеждения считать одинаково вредными. Что также было не совсем безосновательно.

Но ежели сомнение было еще дозволительно относительно наук и убеждений, то оно возрастало в мучительнейшей степени при раз'яснении слов: «стремиться и достигать». К чему стремиться? Чего достигать? Не заключается ли тут, например, покушения на целостность государства? Чтобы вполне убедиться в этом, я решился лично присутствовать на одном из собраний, и с этой целью сбрил себе усы и оделся в трико (бальный ихний костюм).

Собрание открылось в полночь, и началось танцами («оглашенные» собрались во множестве, и притом обоего пола), сопровождавшимися некоторыми соблазнительными движениями, которые, однако, довольно мне понравились. Потом шло поклонение богине невежества, которую представляла весьма красивая женщина, стоявшая на возвышении. Она пела французские известные романсы: «à moi, l'rompron», «et j'frotte, j'frotte, et allez donc!» и другие, воспевая в них сладость освобождения от наук. Присутствующие подпевали, и придя в восторженное состояние, выражали свою радость зверскими криками. Однако, и это мне довольно понравилось, тем больше, что в промежутках разносили конфекты, фрукты, буттерброды и прохладительные напитки. Но вот запели третьи петухи, и сцена внезапно изменилась. На лицах изобразилась сосредоточенная кровожадность; руки были простерты вперед, как бы устремляясь нечто схватить и растерзать.

— Господа! Начинается игра в губернии! — прогремел голос президента собрания посреди воцарившегося молчания.

— «Стремиться и достигать!» вспомнилось мне.

— В настоящее время две губернии находятся в обнаженном состоянии, — продолжал президент, и назвал при этом одну губернию, в которой, при тщательном уходе, может произрастать виноград, и другую, в которой между прочими богатствами природы обитают раскольники¹.

Вся зала затрепетала.

— Чья очередь травить? — вновь возгласил президент.

— Моя! Моя! — раздалось со всех сторон.

Все ринулись к возвышению, на котором стоял президент, и все вдруг заговорили. Смятение было неописанное; слышались мольбы, угрозы, упреки; одни скрежетали зубами, другие подставляли ноги, третьи падали и вновь поднимались, и вновь падали... Постороннему человеку могло показаться, что это даже и не игра, а серьезное дело. Я насилу унес ноги.

Подозрения мои насчет посягательств на целостность государства оправдались. Самовольство господ «оглашенных» в распоряжении частями империи было столь явно, что я в первый раз в жизни встревожился. Они целыми губерниями располагали с такой же непринужденностью, с какою я располагал теми из подаренных мне игрушек, которые, вследствие долговременных детских истязаний (некоторые подвергаются даже неразумному процессу сосания), делаются окон-

¹ Раскольников нельзя причислять к богатствам природы. С а п.

чительно никуда негодными. Тем не менее, несмотря на очевидную опасность, я счел нужным предварительно прибегнуть к увещанию.

— Господа! — говорил я им: — вы не признаете наук — я охотно готов смотреть на это сквозь пальцы! Вы не видите пользы в убеждениях, и с этим я, пожалуй, могу помириться! Но я не могу допустить, чтобы вы играли нашими прекрасными губерниями, как я играю моими старыми игрушками!

С этими словами я удалился.

Как видится, я делал весьма важную уступку; быть может, я пошел бы и дальше, то-есть оставил бы дело без огласки, еслиб благородные юноши остепенились. Но они не унимались: тайные сборища становились все более и более шумными, а крик «фить» раздавался с такой нескромностью, что многие обыватели встревожились. Тут же, как на грех, в «Московских Ведомостях» появилась статья с предостерегающим характером.

Далее я молчать не мог ¹.

Но каково было мое удивление, когда я через несколько времени получил ответ, что замеченная мною «игра в губернии» известна весьма давно, и, заменяя игру в дураки, служит для благородных юношей завидным препровождением времени. Что же касается до слова «фить!», то и оно может заставить трепетать только злых и коварных, добрых же и благонамеренных должно, напротив того, укреплять в их простосердечии.

Признаюсь!!

Но делать было нечего; хоть и удивителен показался мне этот ответ, но надлежало переменить тактику. И вот тут-то я выказал те чудеса изобретательности, которым впоследствии удивлялся сам Наполеон III ².

Я понял, что предметом моей деятельности должны быть «злые и коварные», и решился разом изловить их всех.

В этих видах я распорядился следующим образом:

Вопервых, увеличил число моих добрых товарищей в такой мере, что вскоре на каждого обывателя считалось по одному доброму товарищу ³.

Вовторых, для большей удобства, снабдил моих сподвижников кастетами и сортидебалями, и каждому из них вручил по отмычке, с помощью которой можно было отпереть всякий замок.

Втретьих, приобрел несколько сподвижников женского пола, которые своими приятными манерами могли вызывать дерзкий образ мыслей.

Сделавши все это, я крикнул: «загоняй!» и сел себе спокойно дожидаться обильного улова.

Но подобно рыбаку, раскидывающему на большое пространство дорого стоящий рыболовный снаряд и уловляющему с его помощью лишь пискаря, я должен был обмануться в моих ожиданиях. Скажу более: я не уловил и пискаря.

¹ Автор вообще не обладает искусством полагать различие между прошедшим, настоящим и даже будущим. В то время, о котором идет речь, «Московские Ведомости» статей с предостерегающим характером не писали, да и ныне не пишут, а имеют писать таковые, когда поступят под редакцию М. Н. Каткова. Сап.

² Едва успели справиться с первым злодеем, как уже автор сулит еще двоих! Сродно ли это патриотизму благородного дитяти? Сап.

³ В видах исполнения обязанностей полезно; но не произойдет ли вреда для земледелия, промышленности и ремесл, если половина граждан будет заниматься тайным наблюдением за другой половиной? Сап.

Как я ни напрягал мой слух, ничего не долетало до него, кроме чавканья. Казалось, все сговорилось, чтобы испортить мою карьеру. Тщетно мои сподвижники мужского пола действовали отмычками (кастеты были так дурно сделаны, что тотчас же оказались негодными), а сподвижники женского пола расточали ласки: дело всегда кончалось тем, что первых напавали пьяными, а вторых увозили к Излеру ¹.

Возникли даже сомнения в моем искусстве и опытности. «Не может быть — писали мне — чтобы не было ни коварства, ни злоумышлений; злодеи везде во множестве, но вы или не можете, или не хотите накрыть их»...

Что было мне делать?

Не раз обращал я взоры на предводителей дворянства, и постепенно разжигал их самолюбие, думая этим путем возбудить в них либеральные чувства, но постоянно встречал ответ, что самолюбивые предводители водятся только в губерниях нечерноземных!

Не меньше того занимали меня и гимназисты, которым я давал понять, что по нынешнему образованному времени, в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот ², но они отвечали, что они бы и рады, но навряд ли родители до сего их допустят ³.

Других же элементов коварства не было.

Тогда я решился на отчаянное средство. В молодости моей ⁴, я читывал, что настоящие заговорщики собираются всегда по ночам, и что местами сборищ, по преимуществу, бывают или старинные замки, или оставленные развалины, или, наконец, леса. Там, собравшись на полянах или под каменными сводами мрачных подземелий, они злоумышляют при свете потаенного фонаря. Но так как у нас нет ни замков, ни развалин, то я посягнул направить шаги мои в лес.

Я не в силах изобразить чувство священного ужаса, овладевшего мной при виде сих столетних свидетелей стольких злодеяний! Сколько ужасных тайн поверено их безмолвию! Какую прекрасную карьеру мог бы сделать тот, кому удалось бы исторгнуть хоть часть этих тайн! Я шел бодро. Звезды блистали в вышине, как бы освещая ⁵ картину несчетных таинственностей, которых театром служил этот лес. Всеобщее ужасное безмолвие внезапно оглашалось то пронзительным свистом хищной птицы, то яростным ревом зверя или жалобным стоном раздираемой им жертвы. По временам, между деревьями, мелькали привидения. Кто знает? Может быть, это были неоплаканные души убитых здесь жертв? Или, быть может, какие-нибудь благодетельные духи, предостерегавшие запоздалого путника от грозившей ему опасности?..

Я шел и слезы струились из глаз моих. Я вспомнил мою мамашу и милых братьев, которые в эту самую минуту, вероятно, почивали сном невинности в своих маленьких, теплых кроватках ⁶... Что я такое? говорил я себе: — какая ужасная судьба тяготеет надо мною? За что должен я выносить пронзительную сырость ночи, изнемогать под палящим зноем дня, освежаться лишь зефирами, выслушивать дикий рев зверей и, быть может, современем быть ими растерзанным? Ужели я должен пасть жертвою административной таинственности?

¹ Это еще кто такой? С а п.

² Вот как! Сие известие столь ново, что не мешает об нем сообщить мамаше автора. С а п.

³ И я так думаю. С а п.

⁴ Да и теперь не весьма древний старик. С а п.

⁵ Не как бы освещая, а действительно освещая. С а п.

⁶ Хорошо. Похвально. С а п.

Имею ли я чувствительную душу и сердце, способные трепетать? Да, я доказываю это ежедневно своим коротким поведением и покорностью, с которой исполняю приказания доброй родительницы. Сверх того, я не недоступен и красотам природы. Отчего же я делаюсь свиреп и кровожаден, как только вступаю на путь таинственности? Отчего душа моя делается недоступною для жалости и сердце никаких других зрелищ не просит, кроме зрелища последних содроганий¹. Увы! Это тайна, которую не мог разгадать даже я, несмотря на то, что много лет служил по секретной насти...

Я был одет поселянином и для большего сходства держал в руках лукошко, как бы собирая в него грибы². Таким образом, никто ничего заподозреть не мог.

Я бодро шел и прислушивался. Сначала все было тихо и никаких признаков злоумышления не примечалось. Но, по мере того, как я углублялся в чащу, успех делался очевидным. Во мне заговорил внутренний голос, который всегда говорит, когда что-нибудь предвидит важное. И действительно, вскоре мой слух был поражен звуками голосов.

— Непременно надобно его уничтожить, — говорил неизвестный голос: — потому что, если мы и теперь его упустим по намеренному, он нас в раззор раззорит!

— Нужно теперь жеребий кинуть, кому стрелять! — отвечал другой, тоже неизвестный голос.

Я остановился, как вкопанный; потом, с быстротою кошки, влез на столетнюю сосну, и на вершине ее устроил обсервационный пункт. Вид, который открывался передо мною, был очарователен. Прямо расстилалась небольшая полянка, блистающая изумрудами и как бы сплошь покрытая перлами росы; направо и налево сплошной стеной дремали широковетвистые дубы, как бы охраняя полянку от нескромного взора; вдаль вился смеющийся ручеек, отражая в своих прихотливых извивах мириады звезд. Я был умилен; я был готов простить. Не знаю, сколько времени я плакал, покуда, наконец, чувство долга взяло верх над чувствительностью. Я взглянул вперед и увидел двух заговорщиков, стоявших в глубоком безмолвии. Оба были одеты в крестьянских одеждах; один из них держал ружье на прицеле. Прошло томительные полчаса; я почти не дышал и с трепетом прислушивался к биению моего сердца. Вдруг послышался треск, сперва отдаленный, потом все ближе и ближе. Из леса вышел громаднейший медведь из породы стервятников, но это был, разумеется, не медведь, а знаменитый принц Шарман, обращенный в медведя злым волшебником. Узнав его, я замер...

— Стреляй! — раздалось во тьме ночной.

— Ни с места! — вскричал я, вне себя от ужаса.

Не помню, как я не слез, а скатился с дерева, и очутился около заговорщиков; не помню, как я перевязал злодеев и отвел их в часть³. Я был в таком энтузиазме, что сам не понимал, что делаю. Помню только, что принц плакал и обнимал меня (он вдруг из медведя сделался красивейшим принцем), называя своим спасителем.

На первом допросе, злодеи, конечно, ни в чем не сознавались; но по мере того, как их секли и кормили селедками, сделались весьма

¹ Жалкое смешение похвальных чувств с непохвальными! Необходимо устроить строгое самонаблюдение, дабы налицо остались одни похвальные. С а п.

² По ночному времени, едва ли хитрость сия может быть названа натуральною. С а п.

³ Должно думать, нарочно для сего случая в лесу была выстроена? С а п.

откровенными. Тут я открыл столько разветвлений, что сердце мое навсегда окаменело для жалости. Тут я впервые и совершенно невольно произнес то самое слово «фить!», против которого я столько ратовал, и которое охотно повторяю и теперь в важнейших случаях.

Это блистательное дело принесло мне сто тысяч рублей и утвердило мою репутацию на незыблемом основании ¹. Происшествие это как раз совпало с приготовлениями к перевороту 2-го декабря, который впоследствии совершен был во Франции искусною рукою Наполеона III. Потребовалась вдруг большая масса людей, умеющих владеть кастетами и сортидебалями. Я не задумался ни на минуту, и по первому вызову полетел во Францию, приняв фамилию мосье Мушара, так как не знал подлинно, понравится ли моя выходка доброй мамаше ².

Ловкость и разнообразие, с которыми я применял кастет, были таковы, что изумили даже графа Морни. Само собою разумеется, что я получил весьма важное место при перевороте.

За это дело я получил пятьдесят тысяч франков из собственных рук... из чьих? — Чувствительное твое сердце, конечно, само подскажет тебе, добрый читатель!

Он улыбался, а я... я мог только плакать!

Я положил эти пятьдесят тысяч (все английским золотом, ибо Англия, желая окончательно унижить Францию, не мало способствовала перевороту 2-го декабря) хранить навсегда в шкатулке, подаренной мне... кем? — но, наверное, и это подскажет тебе твое сердце, добрый читатель! ³.

Приняв прежнюю фамилию Младо-Сморчковского, я возвратился в отечество.

В это время я впервые почувствовал, что и для меня наступило утомление, этот неизбежный спутник той изнурительной деятельности, которой я предавался в течение всей моей жизни. Я понял, что настало время, когда я могу следовать моим наклонностям лишь на свободе, то-есть не всегда и не во всяком случае, но лишь тогда, когда сам сюжет невольно увлечет меня за собой. Я предложил руку и сердце прелестной маркизе де-ла-Кассонад, и, получив за ней пятьсот тысяч в приданое, удалился от дел.

Ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии, Саранского уезда, который, во время известной крестьянской катастрофы, благодаря благосклонному содействию соседа моего, тайного советника Ж***, попал в число наименее оскорбленных относительно высшего размера крестьянских наделов ⁴. В имении моем нет ни одного клочка земли, который не приносил бы сторицею, а единственная гора, изобилующая песком и глиною, отдана в надел. Сверх того: я владею золотыми приисками в Сибири и прелестнейшей дачей на южном берегу Крыма, которая, сверх удовольствий, ежегодно доставляет мне на пятьдесят тысяч рублей виноградного вина.

Детей своих я воспитываю в страхе божием.

¹ Все сие весьма неправдоподобно. И вымысел имеет свои пределы. С а п.

² Конечно, не могла понравиться, ибо даже подумать больно, что Младо-Сморчковский мог оставить отечество без разрешения. С а п.

³ Стало быть, и процентов на них не получается? С а п.

⁴ Столь все сие таинственно, что невозможно читать без размышлений. Но даже и при размышлении, нет никакой руководящей нити. Решительно, надо эту манеру оставить. С а п.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА Сие СОЧИНЕНИЕ

Мысли, руководящие сочинителем, весьма похвальны, слог гладок и местами увлекателен, знаки препинания расставлены верно... но и за всем тем впечатление, производимое на душу читателя, нельзя назвать ни полным, ни совершенно удовлетворительным.

Вопервых, выбор карьеры сделан весьма неудачно. Благородные юноши охотнее имеют дело с лаврами и миртами, нежели с кастетами и отмычками. Не отрицаю, сии последние орудия тоже могут быть в многих случаях полезными, но употребление их по назначению, обыкновенно, предоставляется людям с низкими свойствами души. Возьмем для сравнения хоть хлеб; никто, конечно, не скажет, что он бесполезен; однако приготовлением его занимаются хлебопеки, а не действительные статские советники. Сии последние не производят, но потребляют, а ежели, по временам, и производят, то не иное что, а токмо действия, приводящие душу в умиление, как, например, способствуют изданию законов, как сенатор Трощинский, или бряцают на лире, как Державин.

То же должно сказать и о подслушивании, составляющем основной элемент избранной автором карьеры. Оно необходимо, но не всегда безопасно, и потому лучше предоставить оное людям низкого звания.

Вовторых, неудача в выборе карьеры невольным образом увлекла автора к исследованию некоторых непристойностей, которые ему еще довольно рано знать. Трудно понять, откуда он мог почерпнуть столь обстоятельные сведения о сем предмете, но можно подозревать, что они составляют плод частого обхождения в лакейской и девичьей. Юность в сем отношении весьма бывает опрометчива. Гоняется за эфемерными удовольствиями, которые доставляет зрелище вольного обращения здоровых парней с краснощеками девицами, — и небрежет существенным, то-есть науками! Увлекается манящим видом цветущей поверхности — и не видит бездны!!

Втретьих, о приведенных в сочинении двух примерах заговоров не знаю что и заключить, но кажется, что это выдумка не весьма вероятная. Что такое эта «игра в губернии», заменившая, по словам автора, игру в дураки? И каким образом принц Шарман, превращенный злым волшебником в медведя, мог вдруг вновь обратиться в принца Шармана и обнимать спасшего его от смерти автора? Если автор имел некоторый чародейственный секрет, то он должен был оный изложить. Впрочем, едва ли могут даже существовать такие секреты, которые в состоянии были бы сделать из медведя что-либо другое, кроме дикого зверя. Вот почему, подобных вольностей лучше всего остерегаться.

И еще замечено: большое пристрастие к деньгам и слишком свободное ими распоряжение.

Сапиентов.

III. ДОБРЫЙ ПАТРИОТ.

(Сочинение 10-летнего Вани Младо-Сморчковского)

У одной старой слепенькой кротихи родился маленький кротик. И этот кротик был большой шалун, потому что очень часто выбегал из своей норы, чтобы порезвиться там, где ему казалось просторнее и светлее. И вот однажды, старая слепенькая кротиха возвращается раньше обыкновенного домой с ношею самых спелых орехов, которые она каждый день собирала про запас на зиму, и не застаёт в норе

маленького кротика. И вот, можете себе представить отчаяние бедной слепенькой матери, у которой только и была одна опора в старости! И бог знает, что она не передумала до той минуты, покуда не воротился маленький кротик на сей раз, однакож, благополучно.

— Но зачем же ты, друг мой, выбегаешь из нашей норы? — упрекнула его старая слепенькая кротица.

— Да мне, маменька, здесь скучно! — отвечал неопытный маленький кротик.

— Но отчего же тебе, глупенький, скучно?

— Да тут у нас, маменька, и сыро, и тесно, и темно, а там, наверху, аленькие цветочки цветут, пестренькие птички поют, ветерочки теплые дуют и светит ясное солнышко!

— А-а-ах! Глупенький ты, глупенький! — молвила старая слепенькая кротица, покачивая головой: — да знаешь ли ты, что эту сырую и темную нору ты должен любить больше всего на свете?!

— Да почему же, маменька?

— А потому, что это твое отечество!

К о н е ц .

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОТМЕТКА. Мысль не дурна, и язык зверей употреблен весьма к месту! Но кратко, и потому на будущее время надо стараться быть более обстоятельным. Еще одно замечание: союзы не всегда употребляются правильно, а в иных местах, есть даже лишние.

Сапиентов.

IV. ДОБРЫЙ ПАТРИОТ.

(Сочинение 8-летнего Паши Младо-Сморчковского)

Однажды, милая мамаша взяла Пашу Младо-Сморчковского за головку и спросила:

— А знает ли эта маленькая головка, что такое значит добрый патриот?

— Нет, милая мамаша, отвечал Паша: — не знает, потому что она маленькая!

И милая мамаша поцаловала Пашу и отпустила гулять.

К о н е ц .

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОТМЕТКА. Наверное, гулять не отпустила, но, быть может, оставила без последнего кушанья. И маленькой головке стыдно не знать вещь столь обыкновенную. На будущее время подобные оправдания, ни в каком случае, не будут приняты во внимание.

Сапиентов.

КОММЕНТАРИИ

В 1868 г. Салтыков окончательно расстался со своей служебной деятельностью и всецело отдался своему литературному призванию. Именно с этого года начинается его интенсивное сотрудничество в «Отечественных записках» (из постоянного сотрудника Салтыков скоро превращается в соредактора Некрасова), где он печатает ряд очерков из циклов: «Помпадур и помпадурши», (№№ 2 и 11), «Письма из провинции» (№№ 2, 4, 5, 9, 10) и «Признаки времени» (№№ 1, 8, 9, 11), не считая рецензий и критических статей. Не менее продуктивным является и следующий, 1869 г., в течение которого Салтыков наряду с продолжением «Писем из провинции» (№№ 3, 8 и 11) и «Признаков времени» (№ 1) начинает печатание «Истории одного города» (№ 1), «Господ ташкентцев» (№№ 10 и 11) и, наконец, забытого теперь цикла «Для детей». Цикл этот имеет непосредственное

отношение к интересующему нас сейчас произведению. Ознакомимся с литературной историей его.

В февральской (2-й) книжке «О. 3.» за 1869 г. Салтыков поместил три рассказа: «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть» и «Годовщина», объединив их общим ироническим заглавием «Для детей». Рассказы были перенумерованы и снабжены таким примечанием: «Автор настоящих рассказов предполагает издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений (последние принадлежат Н. А. Некрасову). Но предварительно он желал бы знать мнение публики, насколько намерение его осуществимо и полезно. С этой целью помещаются здесь образчики детских рассказов» («О. 3.», 1869 г., 2, стр. 519). Таким образом это и было начало нового цикла. В следующем, мартовском № 3 появилось его продолжение, состоящее из двух рассказов «Дикий помещик» и «Добрая душа», пронумерованных соответственно числами 4 и 5. Прерванное затем на ряд месяцев печатание «детских рассказов» Салтыков решил возобновить с осени. В письме от 9 июня 1869 г. к находившемуся тогда за границей Н. А. Некрасову Салтыков писал: «Для 8-го номера у меня в виду по части беллетристики: повесть Левитова... Записки дьячка Маркович, да я кой-что приготовил «Для детей»¹. Этим «кой-что» и были «Испорченные дети», появившиеся однако не в 8-й, а в 9-й книжке журнала. Правда, в печатном журнальном тексте заглавия «Для детей» нет, однако оно есть в сохранившейся рукописи, где очерк носит название «Дети-литераторы» (бумаги б. Пушкинского Дома, из архива М. М. Стасюлевича). Кроме того рассказ пронумерован римской цифрой VI, которая может лишь продолжать нумерацию выше упомянутых пяти рассказов. Из писем Салтыкова известно, что существовал замысел еще одного «детского рассказа», под названием «Повесть о том, как один пономарь хотел архиерейскую службу сослужить», но он, повидимому, написан не был².

Цикл «для детей» не был закончен. Удачно найденная здесь форма сказки как бы вытеснила самый замысел его (собрание различных рассказов и стихотворений) и явилась в дальнейшем тем жанром, в котором Салтыков создал свои наиболее популярные произведения. «Испорченные дети» наряду с очерками «Годовщина» и «Добрая душа» оказались таким образом за пределами цикла. Вероятно поэтому они не были включены Салтыковым в «Собрание» его сочинений и являются для современного читателя произведением в полной мере неизвестным.

Между тем «Испорченные дети» представляют большой художественный и историко-литературный интерес. Это типичная щедринская сатира, написанная в форме детских письменных сочинений на заданную тему. Темы сочинений — «Добрый служака» и «Добрый патриот» — есть в то же время и основные темы сатиры: бюрократия и «отечество». Обращает внимание своеобразная форма произведения, которая однако не является чем-либо принципиально новым для Щедрина. Литератор до мозга костей, Салтыков любил своим сатирическим гротеском придавать форму каких-либо письменных документов. В этом сказалось, вероятно, и бюрократическое прошлое сатирика. Напомним, что два центральных произведения Щедрина написаны: одно — в форме «Истории одного города», другое — в форме «Дневника провинциала в Петербурге». Кроме того, мы имеем: «Завещание моим детям», «Письма из провинции», «Письма к тетеньке», «Пестрые письма», в форме дневника написан «Круглый год», в форме мемуара «Пошехонская старина». Этот прием «документации» литературного материала широко использован Салтыковым и в тексте самих сатир (знаменитые мемуары, руководства и указы щедринских помпадуров и градоначальников, различные проекты и «конституции» в «Дневнике провинциала», «оправдательные документы» в «Истории одного города», жизнеописание купца Парамонова в виде... счета и такса Очищенного в «Современной идиллии» и мн. др.).

«Письменные сочинения» учеников и письменные же замечания и объяснения к ним педагога Сапиентова являются лишь новой вариацией этого приема. При чем подстрочные замечания Сапиентова и его заключительные резюме играют в общей композиции сатиры ту же роль, что и «Глумов»³ в произведениях Салтыкова 70—80 гг. Неизменно противостоя точке зрения «автора», от имени которого ведется рассказ, Сапиентов в своих педагогических ремарках «серьезно»

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма 1845—1889 гг. Под ред. Н. В. Яковлева. Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук, М.-Л., 1925 г., № 52; в дальнейшем всюду «Письма».

² Письмо М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову от 22 мая 1869 г. («Печать и революция», 1927 г., кн. 3, стр. 58).

³ Герой комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты», настолько прочно освоенный Салтыковым, что он современным читателем воспринимается неизменно в качестве щедринского персонажа.

обсуждает, комментирует и оценивает рассказываемое и изображаемое, тем самым дешифруя эзопов язык, раскрывая подлинный замысел сатиры. Стиль «замечаний» блестяще пародирует канцелярско-семинарский слог 50—60 гг. Отметим, что впервые этот прием иронических подстрочных примечаний «автора» был употреблен Щедриным в забытой ныне и не вошедшей в «собрание сочинений» юмореске его «Цензор в попытках (лесть в виде грубости)», напечатанной в № 9 «Свистка» («Современник», 1863, кн. 1—2, подпись: Мих. Змиев-Младенцев).

Любопытно, что один из первоначальных замыслов «Истории одного города» (неосуществленный очерк «Историческая догадка») был задуман Салтыковым в форме «беседы учителя гимназии с учениками»¹. Однако, приступив непосредственно к созданию «Истории», Салтыков гигантски расширил первоначальный замысел, что повело за собой к отказу от проектировавшейся формы. Ею он однако воспользовался в несколько измененном виде здесь.

Обращаемся непосредственно к интересующему нас тексту, воспроизводимому здесь по журнальной редакции 1869 года, которая и должна считаться окончательной. Разночтения, обнаруживаемые при сличении журнального текста с сохранившимися рукописным, являются несомненно результатом дополнительной работы Щедрина над произведением при его печатании, в корректуре; они однако настолько незначительны, что останавливаться на них в не специальном издании нет необходимости (за исключением указанного различия в самом заглавии произведения).

Открывающее очерк предисловие все посвящено характеристике семейства Младо-Сморчковых и педагога Сапиентова. В особых комментариях эта часть не нуждается. Отметим лишь, что в характеристике «маленького Вани»: «терпеть не могу никакой мелодии, кроме мелодии барабана, наконец, ел и пил всякую дрянь» и в описании его делового дня «пробуждение в 6 часов утра», «усиленная маршировка», пение «ура», «подверганье самого себя наказаньям» и др. — имеются уже черты, которые ровно через год придал Салтыков центральному образу «Истории одного города» Угрюм-Бурчееву, который тоже «вставал с зарею»... и тотчас же бил в барабан, «ел лошадиное мясо», наконец, «по три часа в сутки маршировал на дворе градоначальнического дома, один, без товарищей, произносил самому себе командные возгласы и сам себя подвергал дисциплинарным взысканиям и даже шпицрутенам»... Здесь же в описании Младо-Сморчковского 1-го — «Есть скорость, но нет стремительности; есть строгость, но нет непреклонности» — мы находим слова, включенные позднее, правда, с другой интонацией, в программную речь Брудастого («История одного города»): «Нагиск, — сказал он, — и притом быстрота. Снисходительность и притом — строгость. И притом благоразумная твердость». Из других аналогий этой главы заслуживают быть упомянутыми «государственные младенцы», специалистом по изготовлению которых является Сапиентов. Через 3 года Салтыков посвятит этим «младенцам» «Третью параллель» своих «Ташкентцев пригготовительного класса» («О. З.» 1872, № 1), где парафраза эта будет, однако, обозначать средь будущих юристов, а не провинциальных администраторов (градоначальников).

Есть в предисловии и злободневные намеки. Так, восклицание, невольно сорвавшееся с уст Катерины Павловны: «Иди, спасай царей!» — несомненно воспринималось современниками как намек на каракозовский выстрел 1866 г. и на тот разгул реакции, к участию в котором совершенно официально приглашались и «наиболее благонадежные элементы общества» (А. Корнилов. «Общественное движение при Александре III». М., 1909).

В следующем за предисловием очерке («Добрый служака». Из моих воспоминаний. Сочинение 13-летнего Гриши Младо-Сморчковского) заслуживает быть прежде всего отмеченной фабула сатиры — фантастические похождения атамана разбойников Туманова, подготавливающие его будущую административную деятельность.

«Сочинение сне... позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, (в рукописи добавлено: «и даже именно посему»), можно современем сделаться администратором (в рукописи: «градоначальником») — поясняет недвусмысленно замысел автора Сапиентов — этот alter ego Салтыкова. Следует признать, что в цензурном отношении замысел был очень смел по тем временам и бил не в бровь, а в глаз. Произвол, хищничество и самоуправство провинциальной администрации 50—60 гг. были исключительны, они создавали круговую поруку, покрывавшую явно преступных типов. одного из них, человека с несомненным уголовным прошлым, хорошо знал Салтыков и лично. Это был пензенский гражданский губернатор В. П. Александровский, «помпадурство» которого (с 1862 по 1867 г.) как раз совпало с пребыванием Салтыкова в Пензе в должности управляющего Казенной

¹ См. об этом в письме Салтыкова к И. В. Павлову, опубликованном в статье: О. В-на. «М. Е. Салтыков-Щедрин о себе самом» (газета «Речь», 1914 г., № 88).

палатой (1865 г.). Действия этого губернатора Салтыков описал в своем письме к П. В. Анненкову от 2 марта 1865 г., которое закончил так: «Вот вам глава Пензенской губернии; остальное на него похоже, если не хуже. У меня начинают складываться очерки города Брюхова, но не думаю, чтобы вышло удачно. Надобно, чтобы и в самой пошлости было что-нибудь человеческое, а тут кроме навоза ничего нет» («Письма», № 34). Ниже мы еще отметим, что «Испорченные дети» очень многим обязаны именно пензенским наблюдениям Салтыкова и что таким образом часть материала, предназначавшаяся автором для «Очерков города Брюхова», попала и сюда.

Можно указать и на один литературный источник, который был использован Салтыковым в этой главе. Имею в виду этнографические очерки С. В. Максимова «Сибирь и каторга», печатавшиеся под разными заглавиями (по частям) в книжках «Отечественных записок» 1869 г. и бывшие таким образом хорошо известными Салтыкову¹. Очерки давали обширный материал по уголовным деяниям сибирских «администраторов». Любопытно, что весь эпизод со спасением Пашин Туманова из острога, путем «фокуса» с живой пирамидой, почти текстуально заимствован Салтыковым отсюда, равно как отсюда заимствована и сама фамилия героя — Туманов (у Максимова этот случай с бегством арестанта Туманова отнесен к Тобольскому острогу)².

Следует отметить, что развитая здесь нецензурная тема об администраторах-разбойниках была уже намечена Салтыковым несколько раньше в «Письмах из провинции» (письмо 5-е)³.

Несмотря на то, что Салтыков придал своей злободневной сатире форму «детского повествования», явно пародируя в некоторых местах современных ему авторов примитивных «разбойничьих рассказов», цензура, как мы увидим ниже, обратила внимание на это место. Весьма злободневным являлось изложение «некоторых замечательнейших действий Младо-Сморчковского первого на занимаемом им посту», где Салтыков зло издевается над мероприятиями правительства и только что учрежденного земства. Мероприятия эти, официально направленные к повышению «благополучия народного», фактически ложились лишь новым бременем на крестьянство, оказавшееся после «великих реформ» и без того в крайне трудном положении. В официальном отчете деятельности пензенского земства за 1865 г.⁴, деятельности хорошо известной Салтыкову, мы найдем весь тот материал, который послужил объектом этой сатиры. Впрочем, картина, здесь данная, была типична и для других губерний России. Также как и в «предисловии», в ряде мест разбираемой главы мы находим отклики Салтыкова на тот реакционный курс правительства, о котором мы уже упоминали выше. Реакция особенно расползлась в конце 60-х гг., когда шефом жандармов и главным начальником III отделения был назначен граф Петр Андреевич Шувалов (с 1866 по 1874 г.), который действительно «обуздал дух своеволия...», «поборников устности и гласности разослал по городам» и «вообще обуздал обывателей».

Любопытные препирательства Младо-Сморчковских первого и второго по поводу канцелярского слога являются сатирическим отзвуком тех «указов о сокращении переписки», которые так взволновали огромный канцелярско-бюрократический муравейник государственного аппарата России 60-х гг.; подробнее о них Салтыков говорит в «Письмах из провинции». Упоминаемая здесь же «педагогическая метода г. Миллера-Красовского», состоявшая в том, что «пощины следовали одна за другою» — служила предметом оживленных общественных дискуссий в начале 60-х гг. Книга педагога обскуранта Миллер-Красовского «Основные законы воспитания», в которой рекомендовалось добиваться послушания посредством «сильного моментного потрясения» (т. е. пощины), вышла еще в 1859 г., но не была забыта сатириком и через 10 лет.

Следует, наконец, несколько подробнее остановиться на том любопытном списке 12 дочерей Младо-Сморчковского и их мужей, которым заканчивается очерк «Добрый служака».

Выше было уже указано на ряд аналогий между «Историей одного города» и «Испорченными детьми». Но связь этих двух произведений не исчерпывается стилистическими соответствиями; она значительно глубже. Действительно, — основная тема сатиры — высшая провинциальная бюрократия, разрабатывавшаяся в шед-

¹ Написанная по поручению правительства книга С. В. Максимова «Тюрьма и ссылки» была издана в 1862 г. «секретно»; статьи в «О. З.» представляют собою перепечатку ряда глав из этой книги.

² С. В. Максимов. На каторге. Собрание сочинений, изд. 4-е, СПб., т. II, см. стр. 132—135.

³ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, изд. 4-е, т. X, см. ст. 473—474. В дальнейшем все ссылки — на это издание.

⁴ См. в книге «25 лет Пензенского земства», М., 1894 г.

ринской сатире и ранее («Помпадуры и помпадурши»), дана в «Испорченных детях» уже в том обобщенном гротескно-сатирическом плане, который в известной мере предвещает будущий огромный синтез «Истории одного города». Известно, что этот синтез, не являющийся в целом пародией на историю России (против такого понимания энергично восставал сам Салтыков), в то же время облечен в форму исторической хроники, с привлечением обширного конкретного материала из русской истории, специально изучавшегося Салтыковым. Результаты этого изучения мы и видим в интересующем нас «списке». Это как бы «бросовый материал», который остался в творческой лаборатории сатирика после создания первых глав «Истории одного города»¹ и который он использовал здесь. Своим остроумным матримонийным списком Салтыков как бы «роднит», «сближает» своего анонимного героя — разбойника с реальными «силами» русской истории, со всеми этими временщиками, властителями, вельможами и царственными проходимцами. Гротескным приемом «списка» он удлиняет и расширяет перспективу своей сатиры, подводя ее к граням будущих мощных обобщений «Истории одного города». Таков смысл списка: Нам нет надобности прибегать к биографическим пояснениям. Камер-юнкер Монс, герцог курляндский Бирон, граф Кирилла Разумовский, бывший польский король Понятовский (имеется в виду последний польский король Станислав-Август, отрекшийся от престола по требованию Екатерины II), светлейший князь Потемкин-Таврический, граф Дмитриев-Мамонов, наконец, Аракчеев — все это широко известные исторические имена тех в большинстве своем «темных людей» XVIII столетия, которые, «попав в случай», делались всесильными фаворитами, временщиками, фактическими распорядителями судеб русского народа.

О «блестящем французском посланнике, герцоге Морни», мы скажем в комментарии к следующему очерку; здесь же необходимо еще пояснить непонятную для современного читателя характеристику одиннадцатой дочери: «Имела впоследствии огромное влияние на испанскую королеву Изабеллу, под именем сестры Патросинии. Погубив Изабеллу, бежала из Мадрида с уланом и была поймана в Баль-Мабиле».

В приведенных строках содержится отклик Салтыкова на испанские события 1868 г., которым уделялось много внимания в газетах того времени. В 1868 г. в Испании произошло очередное провозглашение, свергнувшее с престола королеву Изабеллу II (Марию-Луизу), скрывшуюся за границу, в Париж, вместе со своим придворным и фаворитом Марфори. Эпоха и имя этой королевы — символ реакции и политического гнета для Испании. Яростная католичка, Изабелла вместе с тем отличалась крайней распущенностью; она ввела при своем дворе нравы XVIII в. Особенно сильно было влияние на Изабеллу пресловутой монахини Патросинии — этого испанского Распутина в расе. На все это и намекает здесь, правда мимоходом, Салтыков. Через 3 года в очерке «В больнице для умалишенных» («О. З.», 1873, кн. 2)² он посвятит этому эпизоду современной иностранной хроники несколько острых страниц. Упоминаемое здесь же название Баль-Мабиль есть наименование модного увеселительного заведения в Париже 60-х гг., пользовавшегося особенной популярностью у русских «гуляющих людей за границей».

Наконец, «кавалер индустрии Сан-Фуа-ни-Луа» есть обычный для Щедрина персонаж, характеристика которого заключена уже в самой фамилии его. Французское выражение *sans foi ni loi*, буквально значущее «без веры и закона», можно перевести по-русски эпитетом «прожженный», «беспардонный» и т. п.³ Типы таких коммерческих дельцов, «кавалеров от индустрии» Салтыков блестяще вывел несколько позднее в «Дневнике провинциала в Петербурге».

Основным конструктивным образом третьего очерка («Добрый служака». Сочинение 12-летнего Сережи Младо-Сморчковского) является образ «откровенного ребенка». Парафраза раскрывается легко: «откровенный ребенок» — это, конечно, жандарм, охранник, правительственный и добровольный осведомитель, призванный к особо широкой деятельности разгулом реакции в конце 60-х гг. «Откровенный ребенок» — это лишь первоначальный набросок знаменитого «ташкентца,

¹ Напомним, что первые главы «Истории» появились в один год с «Испорченными детьми», но несколько раньше последних («О. З.», 1869 г., № 1).

² В собрание сочинений не вошло.

³ Любопытная подробность для изучения вопроса о литературно-стилистических воздействиях на Щедрина: и «кавалер индустрии Сан-Фуа-ни-Луа» и упоминаемый здесь же «мосье Мушар» (*mouchard* — шпион) находят себе полные аналогии в персонажах «волшебной сказки» французского журналиста и сатирика Лабуле (*Le prince caniche*) характеризованных тем же методом (сказка была частично напечатана. В русск. перев. в «О. З.» за 1868 г.) и была таким образом хороша известна Салтыкову). Напр. «граф Туш-а-Ту» (*Touche à tout* — до всего дотрагивающийся, за все берущийся), «барон Жеронт Плерар» (*pleurard* — плакса), «кавалер Пиборнь» (*pieborgne* — кривая сорока) и др.

обратившегося внутрь», выведенного Салтыковым в очерке «Они же», очерке, который должен был появиться через месяц после «Испорченных детей», но не появился, так как был вырезан цензурой из ноябрьской книжки журнала за 1869 г.

Поход правительства против «неблагонадежных элементов» в провинции, вакханалия сыска и полицейского наблюдения «на местах» составляют основное содержание этой главы. Гротескная причудливость образов и ситуаций, допущенная здесь Салтыковым, не помешала ему, в то же время, очень близко подойти к реальной жизни, которая в своей жуткой повседневности нередко опережала самые фантастические предположения.

Чтобы убедиться в этом, стоит сравнить, например, распоряжение № 1 «откровенного ребенка», которым он «увеличил число своих добрых товарищей (т. е. осведомителей — С. М.) в такой мере, что вскоре на каждого обывателя считалось по одному доброму товарищу», с такой документальной записью авторитетного в этом отношении Никитенко, относящейся к 1867 г.: «Граф Шувалов вносил два проекта в Государственный Совет. Один по поводу того, что все Поволжье исполнено дурного духа и потому необходимо все это пространство оцепить жандармскими агентами, разделив их на группы... Другой проект его касался усиления карательных мер против тайных обществ и против зловердных покушений в земских собраниях» («Записки и Дневники», т. II, стр. 325).

Для сравнения интересно также вспомнить третье «Письмо из провинции», где Салтыков писал: «Шпионство, наушничество и вольный донос до того одолели ее (провинцию — С. М.), что некуда деваться порядочному человеку, нельзя совершить самого простого акта, чтобы не подвергнуться всякого рода зловердным толкованиям».

Побочной темой разбираемого очерка является тема «хищничества», которая связывает его с будущими «Господами ташкентцами». Но еще раньше «Испорченных детей» темы «хищника» и «хищничества» были намечены в «Письмах из провинции» и «Признаках времени», где в образах «хищников», «историографов» и «фофанов» Салтыков выводит все тех же «оглашенных недорослей» нашей сатиры. Потроженные в своем экономическом благополучии фактом упразднения крепостного права, эти «оглашенные недоросли» (дворяне-крепостники) весьма скоро усвоили ту мысль, что смысл реформ заключался лишь в том, что «нужно было пошехонскому поту дать иное применение», и энергично принялись за деятельность на этом новом поприще. «Не та или иная сущность дела, не то или другое направление его, а именно: лакомые куски составляют все содержание историографских наездов с их темною свитой вольных доносов и извещений» — так определял Салтыков эту деятельность в четвертом «Письме из провинции».

Наконец есть еще одно произведение, с которым весьма тесно связана данная глава — это недавно лишь опубликованный (Н. В. Яковлевым) рассказ Салтыкова «Приютное семейство» («Новый мир», 1931, кн. 7).

Описание города П., где проживает «приютное семейство», и «необыкновенной губернии» нашего очерка до крайности схожи. Черноземный город П., ** — это разумеется Пенза (в нашем очерке есть и прямое указание на это — «ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии»), давшая сатирику столь богатый материал. В рассказе имеется и ряд других любопытных аналогий; сравнительное изучение двух произведений могло бы дать вообще интересные результаты¹.

Таким образом, через «Приютное семейство», имеющее подзаголовок: «К вопросу о «Благонамеренных речах», — «Испорченные дети» связываются и еще с одним циклом.

Нам остается пояснить те места и парафразы этой главы, которые могут быть непонятны современному читателю. В самом начале очерка говорится о том времени, когда «все ходило ощупью, ища конституций и не находя их», пока наконец, не «восторжествовала здравая политика». Здесь имеется в виду та кратковременная «либеральная весна» александровского царствования, которая, как известно, началась с проектов конституций, а кончилась аракеевщиной. Далее нуждаются в пояснениях следующие строки: «Приехавши в П**, я... начал стороной выведывать... не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготовляют чиновники контрольные и проч. и проч.». Здесь мы имеем намерение: на то сопротивление и недоверие, с которым относилась к новым учреждениям 60-х гг. и новой бюрократии (пионерам) наиболее реакционная часть тогдашнего общества — дворяне-крепостники (историографы). Всю неосновательность такого недоверия со стороны крепостников ядовито разоблачает Салтыков в своем первом «Письме из провинции»: «уж на что благонамеренными пионерами явили себя акцизные чиновники, а какого переполоха наде-

¹ В частности, оно позволило бы, нам кажется, значительно передвинуть назад датировку рассказа, определяемую Н. В. Яковлевым концом 70-х гг.

дало их появление. «Нигилисты» — кричали одни. «Коммунисты» — кричали другие, и нужно было целую массу нечеловеческих усилий, чтоб доказать вселенной, что это совсем не нигилисты, а такие же историографы и столпы, как и все прочие. Точно такой же факт совершился на наших глазах с пионерами контрольными: их до тех пор упрекали в тайных наклонностях к конституционализму, пока они добрым своим поведением победоносно не доказали, что за ними не только к конституционализму, но и к счетоводству наклонностей никаких не водится».

В конце очерка имеется несколько загадочный и нуждающийся в пояснении эпизод с «принцем Шарманом». Непосредственным поводом к созданию его и следующих за ним строк, посвященных французским событиям 2 декабря 1851 г. (государственный переворот, возведший на престол Луи-Наполеона), послужила, вероятно, только что вышедшая в 1869 г. в русском переводе книга Э. Тено «Париж и провинция 3 декабря 1851 г.» (СПБ., 1869). Книга вызвала большой интерес, ей между прочим была посвящена специальная статья в «Отечественных записках», («О. З.», 1869, кн. 2, стр. 535—566) и естественно, что Салтыков, всегда живо интересовавшийся французскими политическими делами, счит нужным воспользоваться возбужденными ею толками и откликнуться на них. Принц Шарман («le prince charmant», «чудесный принц» — персонаж французской сказки) — это конечно сам Луи-Наполеон, известный своими «волшебными» политическими авантюрами и чисто опереточными приемами для снискания «народной» популярности. Один из таких приемов, состоявший в инсценировке покушения на самого себя и последовавшего затем «чудесного спасения», и изображает сатирически Салтыков в «сцене в лесу».

Находящиеся несколько ниже строки: «потребовалась вдруг большая масса людей, умеющих владеть кастетами и сортидебаями» — расшифровываются как намек на те кровавые события, которыми ознаменовалось воцарение «нового императора» в Париже и провинции (Sortie de bal — вечерняя накидка, надеваемая после бала; здесь — в смысле вообще плаща, атрибута, наряду с маской и кастетом, наемного убийцы-bravo).

Наконец, упоминаемые в тексте «мосье Мушар», и «граф (!) Морни», являются: первый — просто анонимной маской, введенной для характеристики атмосферы, в которой совершался переворот (touchard — шпюн, шпик), второй — историческим лицом — герцогом де-Морни (1811—1865), французским государственным деятелем, авантюристом чистой воды, фактическим руководителем переворота 1851 г. В 1856—57 г. он был французским послом в Петербурге, где скандально женился на русской аристократке, на что и намекает Салтыков.

Остальные щедринские парافразы вряд ли нужно расшифровывать: укажем, впрочем, что под «крестьянской катастрофой» следует разумеать 19 февраля 1861 г. а словечком «фить» (чаще «фюить») Салтыков всегда обозначал административную высылку в места не столь отдаленные.

Два следующих рассказа, миниатюры «Добрый патриот», никакого комментария не требуют. Отметим лишь то, что первый из них представляет для исследователей большой интерес тем, что в нем, по существу говоря, мы находим первую «животную» сказку Щедрина, разрабатывать которую он стал позднее. Сказка содержит весьма смелые высказывания сатирика об отечестве — России, называемом здесь «сырой и темной норой». Именно эта сказка и вызвала особенное внимание члена Главного управления по делам печати Ф. М. Толстого.

В своем цензурском донесении по поводу 9-й книжки «О. З.» за 1869 г., полностью приводя текст сказки и заключительную к ней ремарку Сапиентова — «мысль недурна (т. е. мысль, что «эту сырую и темную нору» должно любить больше всего на свете», потому что она — «отечество» — С. М.), но выражена кратко и потому на будущее время надо стараться быть более обстоятельным», Толстой иронически добавляет: «обстоятельность эта далеко может повести». Далее он пишет: «В этом же рассказе описывается, как некто Туманов попал сначала в разбойничьи атаманы, а из атаманов прямо в губернаторы, и тут же иносказательно описывается происхождение учреждения жандармов в провинциях под названием «откровенных ребят». Все это не имеет, конечно, большого значения, но сильно напоминает междустрочную литературу 60-х годов».

По мнению Толстого, «Испорченные дети» Щедрина (наряду с анонимной статьей сентябрьской книжки «О направлении в литературе»), хотя и «не дают достаточных доводов к судебному преследованию», но должны быть «приняты к сведению, как крупный материал, для определения неодобрительного направления «Отечественных записок» (см. в книге Евгеньева — Максимова «В тисках реакции»).

В заключение следует указать, что ни в общей, ни в специальной литературе, посвященной Салтыкову, «Испорченные дети» не только не разбираются, но даже и почти не упоминаются, несмотря на то, что они бесспорно принадлежат к числу наиболее острых произведений сатирика.